

50
М13

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

С. А. МАДИЕВСКИЙ

„ШТИНЦА“ • КИШИНЕВ • 1973

АКАДЕМИЯ НАУК МОЛДАВСКОЙ ССР

Институт истории

С. А. МАДИВСКИЙ

**МЕТОДОЛОГИЯ
И МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ
СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП
В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ**

**Под редакцией
доктора исторических наук
В. А. Дьякова**

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ШТИНЦА“

КИШИНЕВ • 1972

В брошюре рассматриваются в теоретическом плане основные аспекты историко-социологического изучения социальных групп: цели и задачи, методология и методика, познавательные трудности, возможные пути и средства их преодоления.

Брошюра обобщает достигнутый уровень теоретической разработки и практического решения этих проблем в советской и частично зарубежной литературе. Работа рассчитана на специалистов в области общественных наук: историков, философов, социологов, социальных психологов, — на всех интересующихся изучением социальных групп по материалам исторических источников, а также методологии и методике исторического исследования.

© Издательство "Штиинца", 1973

М Q-I-5-4-2II 20-74
M755(12) -73

Предисловие

Предлагаемая вниманию читателей работа примечательна как проявление некоторых тенденций, характерных для современного развития научного знания.

Речь идет, прежде всего, о процессе взаимопроникновения, интеграции наук. Дифференциация, продолжая доминировать на поверхности явлений, становится сейчас одним из средств или путей осуществления этого процесса, поскольку каждая вновь отпочковавшаяся область "перекладывает мосты" между двумя или несколькими дисциплинами, не имевшими до этого прямых (или, во всяком случае, постоянных) контактов между собой. Это в полной мере относится и к такой пограничной, "стыковой" дисциплине, как историческая социология. Интеграция, являющаяся внутренне и внешне обусловленной закономерностью развития научного знания, создает условия для более глубокого, целостного, адекватного познания и соответственно более эффективного освоения и преобразования объекта науки — развивающейся материи.

Другой тенденцией, внутренне связанной с первой, является активизация и резкое увеличение значения методологических исследований. В течение многих столетий наука развивалась по схеме: "ученые сначала находят что-то, а затем уже — как правило, безрезультатно — размышляют о способах, которыми это было открыто"¹. Сейчас явно превалирует иная тенденция — стремление к опережающему развитию методов достижения нового знания.

Обе эти тенденции явственно прослеживаются в данной работе. Автор поставил перед собой задачу — мобилизовать в наличном теоретическом арсенале и практическом опыте общественных наук то, что необходимо (или, во всяком случае, может оказаться полезным) при социологическом изучении социальных групп на материалах исторических источников. При этом необходимо было прежде

всего определить возможные пункты "стыковки" проблем исторической науки и смежных с ней обществоведческих дисциплин, выявить перспективы применения специальной методологии и методики этих дисциплин, их понятийно-категориального аппарата.

Автор - и это является одним из достоинств работы - не преувеличивает и не преуменьшает потенциал находящегося в этом арсенале оружия и степени его готовности к использованию историком. Избранный им способ изложения не освобождает исследователя от необходимости более глубокого и детального изучения тех или иных конкретных методов и приемов, но снабжает необходимыми для этого библиографическими указаниями.

Достижения современных советских и прогрессивных зарубежных ученых в рассматриваемой области предстают перед нами как продолжение и развитие традиций марксистского обществоведения. Тем самым дается достойный отпор попыткам буржуазной науки, облекшись в тогу "новаторства", атаковать исторический материализм с помощью искажения и абсолютизации некоторых предложенных им же исследовательских методов и приемов.

Круг затрагиваемых в брошюре вопросов весьма широк. Естественно, что не все они получают одинаково полное освещение. Для некоторых из них не существует пока общепризнанных однозначных решений. Работа С.А.Мадиевского является в этом смысле своего рода зеркалом, в котором довольно точно отражается современное состояние разработки этих вопросов. Однако отмеченные выше обстоятельства не лишают, на наш взгляд, ценности предпринятую автором попытку обобщить уже достигнутое и наметить - в порядке первого приближения - дальнейшие исследовательские задачи и возможные пути их решения.

У автора - свой угол зрения, свой подход к отбору и изложению проблем, свои смысловые акценты. Это обеспечивает его работе определенное место в ряду исследований, в той или иной мере затрагивающих поднимаемые им вопросы. Работа эта, несомненно, может быть полезной как для тех, кто впервые приступает к разработке конкретных проблем исторической социологии, так и для тех, кто уже работает в этой области.

Доктор исторических наук
В.А.Дьяков

Одной из основных особенностей современной науки является быстрое увеличение количества комплексных и пограничных (или стыковых) проблем.

Под комплексными понимаются проблемы, возникающие в рамках одной науки, но разрешаемые с применением методов двух или более наук, под пограничными (стыковыми) — проблемы, возникающие на взаимнопроникающих стыках двух или нескольких наук и разрешаемые с применением методов всех этих наук.

Этот процесс приводит к возникновению на стыках наук новых научных дисциплин. В обществоведении, к числу таких новых областей знания, формирующихся в настоящее время, относится историческая социология. Процесс формирования новых дисциплин в конечном счете обусловлен потребностями общественной практики (в широком смысле слова). Непосредственно все большую роль в нем играет системно-логический анализ науки, вычленяющий те познавательные задачи, решение которых составляет специфику данной области знания.

Историческая социология является общей зоной исторической и социологической наук, она равноправно и одновременно входит как в ту, так и в другую. Предметом этой научной дисциплины является функционирование и развитие совокупности социальных отношений (т.е. социальной структуры общества) в прошлом^{1а}.

М.А.Барг считает надуманным "выделение особой дисциплины "исторической социологии" (в смысле конкретной социологии прошлого)", поскольку, как он говорит, "история" есть такое рассмотрение прошлого человеческого общества, в котором функционально представлены все стороны, все его закономерности в их взаимосвязи и взаимообусловленности"². С этим можно было бы согласиться, если бы не одно существенное обстоятельство (признаваемое, кстати, самим М.А.Баргом): понимание предмета научной дисциплины "гражданская история", которое сложилось в процессе исследовательской практики и преподавания и, в свою очередь, определяет сейчас содержание этого процесса, значительно уже вышеприведенного.

К.В.Хвостова, связывая (на наш взгляд, слишком жестко) определение исторической социологии как науч-

ной дисциплины с применением количественных методов исследования, по отношению к отдаленным эпохам истории считает возможным говорить "скорее об элементах исторической социологии", чем о соответствующей самостоятельной отрасли научного познания. Однако, по ее мнению, историк "не вправе пренебречь и этими, хотя бы и ограниченными возможностями построения фрагментов социологии ... далекой эпохи"³.

На уровне общей методологии эта стыковая дисциплина не отличается от "материнских" - истории, с одной стороны, социологии, с другой. Их общей методологической базой является общесоциологическая теория марксизма, т.е. исторический материализм. На уровне специальной методологии начинаются уже отличия от истории, поскольку для интерпретации фактов привлекаются и специальные социологические (и социально-психологические) теории.

Социальная психология, в свою очередь, одними исследователями рассматривается как самостоятельная наука⁴, другими - как отрасль психологической науки, лежащая на взаимнопроникающем стыке последней с социологией⁵, третьими (по крайней мере применительно к исторической проблематике) как органическая часть социологии⁶. Однако при любом "организационном" решении этого вопроса связующая роль указанной дисциплины между социологией и психологией очевидна.

Отличным (в определенном отношении) является и подход к научному факту. Если историческая наука органически сочетает познание общего, особенного и единичного (индивидуального) в общественных явлениях и процессах, то историческая социология интересуется лишь первыми двумя категориями, а третьей (например, индивидуальным поведением и сознанием) - лишь постольку, поскольку оно является носителем информации об общем и особенном. В этом отношении она примыкает соответственно к социологии и социальной психологии. Личность, например, интересует ее "не как индивидуальность, а как обезличенная личность, как социальный тип, как деиндивидуализированная, деперсонализированная личность"⁷.

Сходным же в отношении к научному факту является признание того, что он есть результат познания - зарегистрированный (описанный), проверенный (на адекватность отражения действительности) и соотнесенный с определенной теоретической системой (хотя в известной мере и независимый от нее, инвариантный).

Далее, обращенность в прошлое определяет характер источниковой базы исторической социологии (той же, что и в исторической науке), а в значительной мере и характер применяемых ею методов (процедур) исследования, в число которых входят все приемы исторического и источниковедческого анализа, но лишь часть конкретно-социологических процедур, используемых в исследованиях на современном материале⁸.

Одной из основных задач исторической социологии является изучение социальных групп, существовавших в той или иной стране в ту или иную эпоху⁹. Речь идет о самых различных группах — не только о классах, являющихся основными единицами марксистского обществоведческого анализа, но и о входящих в классы или промежуточных между ними социальных слоях (прослойках), группах, подгруппах и группировках, о целевых объединениях различного рода (политических, экономических, культурных, научных), семье и других малых социальных общностях.

По мнению М.М.Громыко, "функциональное изучение малых социальных общностей и означает конкретно-социологический подход к историческому материалу и определяет сферу исторической социологии". Хотя автор и оговаривает, что "выделение малых социальных общностей ни в коей мере не должно подменить классовый подход к изучению общества", что "оно должно производиться при постоянном учете больших социальных общностей"¹⁰, такое ограничение сферы исторической социологии представляется нам неправомерным.

Социальные группы, существовавшие в прошлом, могут рассматриваться в двух аспектах: как о б ъ е к т ы и как о у б ъ е к т ы исторического процесса. Для социологии, в том числе исторической, характерным является первый подход. Группа выступает в ней прежде всего как п р о д у к т исторического процесса, как элемент более широкой и сложной системы — общества той или иной страны в ту или иную эпоху.

Коренным методологическим пороком т.н. "просопографии" (направление в современной западной буржуазной историографии, ставящее своей задачей создание "исторических портретов" изучаемых социальных групп) является то, что группы эти берутся не в отрыве от фундаментальных социально-экономических характеристик общества, к которому они принадлежат, определяющих, прямо или опосредованно, их исторический облик¹¹.

Выбор изучаемых групп и их связей (отношений) зависит от соображений как внутринаучного, так и непосредственно общественного — политического, идеологического порядка. С точки зрения первых, решающими моментами являются историческая роль группы и степень ее изученности. [Впрочем, даже количественная, не говоря уже о качественной, оценка исторической роли той или иной социальной группы всегда исходит или, по крайней мере, связывается с философскими, мировоззренческими предпосылками].

С точки зрения вторых, решающим является наличие непосредственных генетических связей или же возможность структурно-типологических аналогий с современностью. Ведь среди протекших во времени процессов различаются такие, которые в сознании историка, мыслящего в условиях и категориях своего времени и социальной среды, "мертвы" в особом смысле слова, т.е. не оживлены какими-либо его воспоминаниями, переживаниями, ассоциациями, интересами, и такие, которые воспринимаются им как имеющие материальный или духовный контакт с современностью. Причем этот контакт вовсе не должен ограничиваться близкими по времени периодами или даже эпохами: контактные отношения, например, могут существовать у современности с классической античностью или средневековьем. Историческая социология, как справедливо замечает М.М.Громико, "дает возможность для выявления общих социальных закономерностей, так как сочетает конкретно-исторический анализ с выделением в механизме социальных связей общего для разных эпох"¹². Историческая социология обеспечивает преемственность в социологическом изучении социальных групп, существующих в современном обществе.

В соответствии с отправными методологическими положениями марксизма-ленинизма о решающей роли материального производства и народных масс в истории основное внимание в работах исследователей-марксистов уделяется изучению трудящихся классов — непосредственных производителей материальных благ, их движений, организаций, лидеров и идеологов, — короче, прогрессивных общественных сил.

Следует, впрочем, иметь в виду, что положения эти носят общесоциологический характер, выявляются на крупных отрезках истории и стигм не могут и не должны служить своеобразной "отмечкой" при решении тех или иных конкретно-исторических вопросов, освобождая исследователя от "конкретного анализа конкретной ситуации". Так, политическая роль масс, взятая со стороны количе-

ственной, бывает весьма различной: от громадной в эпохи революций и народных движений до неизмеримо меньшей в эпохи "мирного эволюционирования" того или иного из эксплуататорских способов производства, особенно, когда массы являются, по выражению В.И.Ленина, "сонными и спящими", или, когда они "бессильны или ослаблены временными причинами"¹³.

Полное, целостное представление об историческом процессе как процессе **к л а с с о в о й б о р ь б ы**, закономерно ведущей к торжеству коммунизма, неизбежно предполагает необходимость показа и другой стороны, другого полюса того движущегося единства противоположностей, которое являет собой классово-антагонистическое общество. Поэтому в нашей обществоведческой литературе все чаще обращается внимание на необходимость углубленного изучения не только "низов", но и "верхов" — господствующих эксплуататорских классов, отдельных групп и деятелей из их среды, их экономических и политических организаций, не только прогрессивных, но и реакционных политических движений и идеологических течений, — при соблюдении, разумеется, указанного выше методологически обоснованного соотношения.

Исследования в области исторической социологии принадлежат, по мнению многих авторов, к числу весьма перспективных направлений развития исторической науки. "История событий или история структур?"¹⁴ — такой дилеммы для обществоведа-марксиста не существует. "История событий" в его понимании есть история деятельности людей, связанных друг с другом исторически определенными, закономерно сменяющимися друг друга системами социальных отношений (социальными структурами). Эти структуры — результат деятельности предшествующих поколений — наследуются людьми в качестве объективных, не зависящих от них условий их общественной деятельности. Основным, первичным (структурообразующим) признаком их являются производственные отношения. Производственные отношения определяют, непосредственно или в конечном счете, все другие виды общественных отношений, определяют основное (классовое) членение социальной системы. На основе этого членения, под переплетающимся и взаимосвязанным воздействием других видов общественных отношений, возникает сложная и дробная, многоцветная, запутанная и противоречивая картина, которую являет собой общество той или иной страны в ту или иную эпоху. Для каждой из социальных структур характерен исторически определенный "набор" связываемых ею элементов — социальных групп, их расстановка, взаимоотношения, социальная физиономия каждой. Изучение этого

круга вопросов — необходимое условие познания и научного воспроизведения исторического процесса на сущностном, а не только феноменологическом уровне.

II

Каковы же основные задачи историко-социологического исследования группы? Если сформулировать их в самом общем виде, то такими задачами, прежде всего, являются: 1) изучение численности и социального состава выделенной социальной группы; 2) изучение специфического для нее разделения труда и специализации социальных функций между подгруппами и отдельными членами, а также системы координации их действий, и определяемой этими факторами т.н. внешней (формальной, официальной) структуры группы; 3) изучение связей (отношений) группы с окружающей социальной средой (другими элементами социальной системы).

Предварительным условием конкретного историко-социологического (как, впрочем, и любого) исследования является вычленение объекта. Для этого, строго говоря, необходимо:

1) Сформулировать и обосновать критерий принадлежности к исследуемой группе (т.е. очертить ее границы). Эти критерии, в достаточной мере разработанные по отношению к классам (что является исторической заслугой марксистского обществоведения), значительно менее ясны в отношении таких больших социальных групп, как слои (прослойки) того или иного класса, а также бесчисленных малых, в особенности неформальных, групп.

Сказанное не означает, конечно, что отмеченные выше виды группы существуют лишь в представлении исследователя (или же в представлениях людей описываемой им эпохи), как полагают в отношении всех вообще социальных групп многие буржуазные социологи и психологи, придерживающиеся т.н. фикционистской точки зрения¹⁵. Представлению историка о существовании в прошлом той или иной социальной группы соответствует объективная реальность: непосредственно в виде исторических источников, а опосредованно, в конечном счете, — в виде самой исторической действительности, субъективные образы которой материально запечатлены в источниках. Источники же независимы от воли и сознания исследователя, а отображаемые ими материальные социальные факты прошлого — существование тех или иных социальных групп — независимы не только от сознания и воли изучающего их историка, но нередко и от сознания и воли современников описываемых им событий, в том числе и тех, кто входил в изучаемые сегодня группы. Эти факты лишь более или

менее адекватно (или неадекватно) отображались сознанием этих людей, в том числе и в источниках, как сегодня они отображаются сознанием ученого в виде научных исторических фактов.

Чтобы показать, какое значение имеет методологически правильное и последовательное решение указанной задачи — формулирование и обоснование критерия принадлежности к исследуемой группе — приведем лишь один пример. В.Р.Лейкина-Свирская, автор интересного и содержательного историко-социологического исследования российской интеллигенции второй половины XIX в., определила принадлежность к изучаемой ею прослойке через "принадлежность к одной из групп, выполняющих различные исторически обусловленные общественные функции, требующие интеллектуальной работы". При таком подходе трудности, как признает сам автор, переносятся на проблему определения и обоснования этих функций¹⁶. Однако в перечне последних у В.Р.Лейкиной-Свирской отсутствуют (или упоминается лишь вскользь) такие неотъемлемые, важнейшие атрибуты буржуазно-помещичьего общества и государства, как милитаризм, направленный вовне и вовнутрь, идеологическое "освящение" существующего строя. В связи с этим из состава российской интеллигенции изучаемого периода полностью или частично исключаются такие ее компоненты, как духовенство, чиновничья и военная интеллигенция. Необоснованность этого решения автора справедливо отмечена рецензентами книги¹⁷.

2) Определить группу с точки зрения существующей в социологии классификации (как малую или большую, первичную или вторичную, неформальную или формальную, замкнутую, ограниченную или открытую. По отношению к малым группам применяется также деление на реальные (функциональные, контактные) и условные (статистические), паритетные и авторитарные).

Конечно, эта классификация, как и более крупномасштабное деление социальных общностей на группы, круги, сообщества, толпу, публику и т.д., не является исчерпывающей, а определения и содержательная трактовка этих понятий социологами не отличаются строгим единообразием. Однако эта неупорядоченность "терминологического хозяйства" социологии, являющаяся побочным отрицательным следствием ее бурного развития, в тенденции стремится к уровню, естественному для любой науки.

"Абсолютное выполнение требования строгой логической ясности, вероятно, не имеет места ни в одной науке ... Полезно вспомнить о том, что даже в самой точ-

ной науке, в математике, не может быть устранено употребление понятий, содержащих внутренние противоречия"¹⁸.

Называя эти две операции (кстати сказать, взаимосвязанные): определение критерия принадлежности к исследуемой группе и определение характера этой группы по социологической классификации, — предварительными условиями историко-социологического исследования, мы невольно впадаем в парадокс. Ведь научно обоснованный ответ на эти вопросы во многих случаях может быть лишь результатом проведенного уже исследования. Этот парадокс — проявление диалектики движения исследовательской мысли, нерасчетливости процесса научного познания. Его этапы: постановка проблемы, включающая в качестве одной из операций выделение объекта исследования, и решение проблемы, — могут рассматриваться изолированно лишь в теоретической абстракции. Такие абстракции необходимы, они конструируются специальной научной дисциплиной — логикой научного познания — как теоретические модели реального процесса движения исследовательской мысли с целью более глубокого и детального его анализа. Однако в практике исследовательской работы ее этапы отнюдь не отгорожены друг от друга. Наоборот, они сплошь и рядом незаметно для самого исследователя переплетаются и переходят друг в друга. Указанный выше парадокс решается следующим образом: при отсутствии в наличном знании удовлетворяющих исследователя ответов им формулируются (исходя из определенных методологических предпосылок, конечно) рабочие гипотезы, которые в ходе исследования проверяются и соответственно бракуются и отбрасываются или же подтверждаются и обосновываются фактическим материалом. Следует сказать, впрочем, что проверке в ходе исследования (если оно проводится квалифицированно и добросовестно) подвергаются в какой-то мере и все представления, заимствованные из имеющегося уже знания, хотя возможности такой проверки и степень доказательности ее выводов варьируют весьма значительно в зависимости от соотношения между общностью этих представлений, с одной стороны, и рамками данного конкретного исследования — с другой.

Чтобы исторический материал, подвергаемый социологическому анализу, был репрезентативен, а выводы, основанные на этом анализе, доказательны, необходимо собрать фактические сведения о достаточно большом числе единиц наблюдения, т.е. лиц или подгрупп, принадлежащих к исследуемой группе. Это может быть либо генеральная, либо выборочная совокупность (причем последняя должна быть сформирована в соответствии с теорией выборки)¹⁹.

К сожалению, в историко-социологических исследованиях, чья фактическая база ограничена дошедшими до нас, зачастую весьма немногочисленными, фрагментарными и односторонними письменными источниками, далеко не всегда может быть обеспечена требуемая теорией надежность и репрезентативность выборки. Это, естественно, затрудняет процесс исследования, делает путь ученого к истине более сложным и извилистым, а степень приближения к ней в том или ином конкретном исследовании — меньшей, чем потенциально возможная (при прочих равных условиях) в работе над современным материалом.

Если ставится задача изучить по стадиям эволюцию состава группы, то целесообразно применить следующую частную методику. Во-первых, выделить несколько поколений представителей группы, хронологически приурочив каждое из них к определенной стадии процесса и обозначив его как "поколение такого-то года (десятилетия)". При этом понятие "поколение" может употребляться в двух смыслах: как отрезок времени от рождения родителей до рождения их детей, считающийся статистически равным 30 годам (три поколения в столетие), и как качественная определенность в смысле охваченности влиянием крупного исторического события, определившим относительную общность жизненного опыта современников²⁰. Высчитав средние годы рождения и смерти лиц, отнесенных к каждому из этих поколений, мы можем определить, на какое десятилетие жизни (3-е, 4-е, 5-е, 6-е) падают в данном поколении апогей социальной активности и влияния, что само по себе является определенной социологической характеристикой и группы, и социальной системы в целом.

Далее, на основании фактического материала, извлеченного из различных источников, проверенного путем сопоставлений и иными возможными способами, дается социологический анализ каждого из этих поколений. Отобранные контингенты лиц (генеральные либо выборочные совокупности) статистически распределяются по следующим признакам: 1) социальному происхождению; 2) национальному происхождению; 3) территориальному происхождению; 4) вероисповеданию; 5) образованию и воспитанию; 6) брачным и родственным связям; 7) имущественному цензу; 8) видам деятельности и источникам доходов; 9) партийности и т.д. (Число этих признаков может быть сокращено или увеличено в зависимости от задач конкретного исследования).

Наконец, следует попытаться воссоздать типичную для данной группы карьеру ее члена, исходя из рабочей гипотезы, что в боль-

шинстве случаев эта карьера (по крайней мере, в рамках одного поколения) складывалась более или менее одинаково, по некоему заранее заданному социальной средой образцу. Если эта гипотеза окажется верной, то, как говорит известный американский социолог Р.Миллс, "стоит нам только разобраться в основных правилах и узловых моментах такой стандартной карьеры, и мы будем знать столько, сколько можно было извлечь из подробных статистических данных о множестве карьер"²¹.

На основании такого количественного и качественного анализа и интерпретации его результатов может быть создан для каждого из исследуемых поколений социологический портрет представителя данной социальной группы (иначе говоря - научный социальный тип)²².

Если есть необходимость выделить внутри изучаемой общности несколько социальных типов (т.е. вычленив внутри данного множества непересекающиеся подмножества по ряду классификационных признаков), то может быть использован разработанный учеными из Новосибирска и примененный ими в социологии (а К.В.Хвостовой - в исторической социологии) алгоритм Форэля - I²³.

Основная трудность, специфичная для социолого-статистических исследований, проводимых на историческом материале, состоит в том, чтобы отыскать и извлечь из источников обобщенные (или хотя бы первичные) статистические сведения по перечисленным выше пунктам, относящиеся к генеральной или же к репрезентативной выборочной совокупности. (Репрезентативность выборки определяется двумя факторами: однородностью, т.е. типичностью, выборочных данных по отношению к генеральной совокупности и достаточно большим объемом выборки). В случае невозможности сделать это остается лишь прибегнуть к традиционному для исторической науки описательно-иллюстративному методу, в котором количественный анализ (например, отдельных нерепрезентативных по отношению ко всей генеральной совокупности выборок) играет заведомо второстепенную роль, и выводы его имеют лишь иллюстративное, а не доказательное значение.

Обращаясь к опыту, накопленному в марксистской историко-социологической литературе, находим в нем примеры использования всех названных выше вариантов исходного материала. Так, советский историк А.М.Грунт в статье "Опыт анализа статистических сведений о составе Московского Совета рабочих депутатов в 1917 году" использовал в качестве основного источника опубликованную в "Известиях Московского Совета рабочих депутатов" свод-

ную статистическую таблицу, отражающую состав Совета на 1 июня 1917 г. Таблица содержит обобщенные и сгруппированные данные о половозрастном составе, семейном положении, сословной и национальной принадлежности, образовательном цензе, роде занятий в профессиях депутатов, их партийности и партийном стаже, участии в профсоюзах и кооперативных организациях, репрессиях, которым они подвергались за участие в революционном движении, а также данные о распределении избирательного корпуса Моссовета между предприятиями и организациями рабочего класса. Документ, безусловно, позволяет "выяснить и понять многое из истории Московского Совета рабочих депутатов в 1917 г."²⁴.

Конечно, такого рода материал, "готовый к употреблению", попадает в руки историка не часто. Поэтому и возникает необходимость в извлечении из источников первичных сведений о членах изучаемой группы (их генеральной или выборочной совокупности).

Если обратиться, например, к опыту историко-социологических исследований революционного и национально-освободительного движения в России и славянских странах, то эти исследования, с точки зрения их источниковедческой базы, можно подразделить на две основные разновидности. Первая²⁵ основывается на суммарных источниках, созданных в ходе исследуемых событий и служивших чаще всего для нужд карательных органов (алфавитные списки лиц, дела которых прошли через следственные комиссии и суды). Для второй группы²⁶ источниковедческой базы служат не документальные материалы как таковые, а созданные на основе всех доступных источников специальные справочники (типа биографических словарей участников движения)²⁷ или же личные картотеки. Каждому из этих вариантов свойственны свои плюсы и минусы²⁸; поэтому они и впредь должны использоваться параллельно, взаимно дополняя и корректируя друг друга.

Еще один пример. Изучая эволюцию северофранцузского дворянства в XII-XIV вв., советский медиевист Ю.Л.Бессмертный опирался на массовый источник — описи пожалований вассалам (фьефов), к анализу которых применил методы определения неизвестных параметров всей изучаемой совокупности по данным выборочных наблюдений. На основе выборок, составленных путем случайного отбора, он вычислил доверительные интервалы (т.е. минимальный и максимальный пределы) по ряду показателей: составу фьефов, соотношению имущественных групп среди сеньоров. В итоге при несравненно меньших затратах времени, чем потребовалось бы при

сплошной обработке описей, удалось выявить имущественный состав исследуемой группы, степень ее имущественного (а в сочетании с иными признаками — и социального) расчленения²⁹.

Наконец, при изучении многих социальных групп, существовавших в прошлом, особенно при социологическом анализе их эволюции на протяжении нескольких эпох, неизбежно и применение описательно-иллюстративного метода³⁰.

Переходя к вопросу о структуре изучаемой группы, необходимо иметь в виду, что он органически связан с вопросом о характерном для данной группы разделении труда и специализации функций между подгруппами, а также с вопросом об отношениях группы с другими элементами более широкой социальной системы, в которую она включена. "Устойчивые социальные группы, входящие в качестве постоянных элементов в структуру классов на протяжении длительного времени, — пишет М.М.Громыко, — имеют, в свою очередь, собственную структуру, в которой могут быть выделены подгруппы или группировки более динамичного, чем социальная группа, характера или связанные в общность меньшим, ограниченным количеством показателей. Например, рассматривая двор абсолютного монарха (конкретно — русский двор XVIII в.) как определенную социальную группу в составе класса феодалов, изучая ее поведение, влияние на внутреннюю и внешнюю политику государства, взаимоотношения с другими социальными группами этого же класса, взаимоотношения с монархом, неизбежно сталкиваемся с необходимостью выделить в составе придворных подгруппы, возникшие в результате иерархии придворных чинов, а также временные группировки, связанные с выдвижением того или иного фаворита"³¹.

В качестве опосредствующего звена между определенной социальной системой, структурирующей специфическим для нее образом, и деятельностью и сознанием изучаемой группы выступают потребности и интересы последней. Потребности — материальная основа целей и мотивов деятельности социальных субъектов, "побудительные силы этих побудительных сил"³². По отношению к социальному субъекту его потребности выступают как внутренняя необходимость; но, так как сам этот субъект является продуктом исторического развития в условиях непрерывного взаимодействия со средой (естественной и общественной), то его потребности есть одновременно качественно специфическое преломление и обнаружение внешней необходимости, без которой невозможно функционирование и развитие данной социальной системы (или данной социальной общ-

ности)³³. Главной характерной чертой предметов человеческих потребностей, как отмечают А.М.Мосоров и Г.В.Мокроносов, является то, что, взятые не порознь, а в своей конкретно-исторической классовой совокупной системе, они "властно предлагают каждому человеку программу его социального поведения, его наслаждений и страданий", причем "встреча..." с этой программой начинается... буквально с рождения"³⁴.

Одно из важнейших положений социологии Маркса и Энгельса, как убедительно показали те же авторы, заключается в следующем: материально-чувственная жизнь индивидов и групп является непосредственно социальной жизнью и вместе с движением "общественных вещей" составляет содержание общественных отношений, способ их существования, способ осуществления на практике объективных социологических законов. Соответственно этому в социологии изучение материально-чувственной жизни различных социальных групп составляет одну из основных ее задач и существенных форм исследования исторически определенных общественных отношений. Научная правомерность этого революционного принципа теоретически доказана К.Марксом еще в "Экономическо-философских рукописях 1844 г." Ф.Энгельс в работе "Положение рабочего класса в Англии" впервые применил этот принцип для материалистического изучения общественных отношений в современном ему английском буржуазном обществе. Он выделил и изучил следующие группы личных потребностей пролетария: бытовые (в жилище, одежде, питании), производственные, половые, духовные (в образовании, развлечениях и т.д.), революционные и состояние здоровья (как одну из внутренних сторон любых социальных потребностей). Но особенно плодотворное практическое применение этот принцип получил в "Капитале" К.Маркса, где теоретическое изображение материально-чувственной социальной жизни в ее классово антагонистически различных типах является одним из основных приемов изучения общественных отношений капитализма. Этот подход основоположников марксизма сохраняет непреходящее методологическое значение для историко-социологических исследований.

Изучая материально-чувственную жизнь отдельных социальных групп, следует обратить внимание на тот ее аспект, который социологи именуют иногда "заметным потреблением". Под этим термином понимаются те акты и предметы потребления, которые являются показателями (составной частью совокупности показателей) "стиля жизни" социальной группы, т.е. которые в глазах ее членов и ок-

ружающих символизируют место группы в определенной социальной структуре.

III

Построение адекватных описательных и объяснительных схем для исторических процессов связано с необходимостью вскрытия и оценки влияния одного аспекта социальной структуры на другой. Эта задача неразрешима на должном уровне без введения групповых социально-психологических переменных. Ведь объективные свойства социальной структуры оказываются на индивидуальных и групповых действиях, преломляясь через соответствующие психологические характеристики. Поэтому широкое применение подходов и данных социальной психологии при изучении социальных групп является насущной необходимостью.

В задачи историко-социологического исследования группы, на наш взгляд, входят: 1) реконструкция групповой психологии как функции объективного положения группы в данной социальной структуре; 2) реконструкция механизма осуществления этой функциональной зависимости, механизма формирования, функционирования и развития групповой психологии. Под последним мы понимаем механизм взаимодействия, общения членов группы друг с другом и с представителями других социальных групп в ходе их социальной деятельности, вырабатывающий у них (членов группы) определенные способы реагирования на общие для группы социально-значимые раздражители.

Поскольку, с точки зрения социолога и социального психолога, черты психологии индивида, обусловленные принадлежностью его к изучаемой социальной группе, формируются в значительной степени в результате общения с людьми аналогичного социального положения в целом ряде малых, особенно первичных и вообще неформальных групп, в которые он входит на протяжении своей жизни, необходимо по возможности тщательно изучить этот ряд (например, такие составляющие его, как родительская семья, группы сверстников в учебных заведениях или по месту жительства, аристократическая гостиная или клуб, литературный или общественно-политический салон, литературно-художественное кафе и т.д.). Большой интерес в этом плане представляет также изучение сети группировок (клик) — взаимосмыкающихся, переплетающихся или же конкурирующих, противостоящих друг другу, — из которых состоит изучаемая социальная группа (например, правящая элита той или иной страны в ту или иную эпоху). Членство в одной или нескольких из

таких группировок и вытекающие из него отношения с другими, подчас имеющие характер сложных и запутанных закулисных маневров и интриг, составляют необходимый элемент и условие карьеры в так называемых элитных группах и одну из основных образующих психологического содержания жизни ее членов. Особое значение этих аспектов исследования, как уже отмечалось, вытекает из современных научных представлений о малой группе (кружке) как аккумуляторе, проводнике и фильтре всех социальных влияний и воздействий, исходящих от внешней по отношению к индивиду социальной среды (в том числе и больших социальных групп — классов, слоев и пр.), как о звене, обладающем огромным конформирующим воздействием на личность, ее сознание и поведение.

Необходимо, конечно, не ограничиваясь этими аспектами, изучить все характерные для данной социальной группы способы и каналы контактов и коммуникаций между членами, с одной стороны, членами и посторонними, с другой; способы и каналы взаимного обмена информацией — рациональной (фактами, мнениями) и эмоциональной (эмоциями, чувствами, настроениями) в ходе различных видов деятельности. Практически это означает: изучить социологию и психологию семейных, родственных, приятельских отношений и отношений ответственной зависимости (например, с точки зрения соотношения в них функционально-ролевого и личностного содержания).

Одним из возможных путей (частных методов) решения этих задач может стать историческая реконструкция типичного рабочего дня типичного представителя группы, включая такие аспекты, как структура, содержание, психология деятельности, типичной недели — с чередованием работы и досуга и раскрытием, в свою очередь, структуры, содержания, психологии последнего, и года — с сезонными изменениями образа жизни и их психологическим "обрамлением".

Проблема общения членов социальной группы друг с другом и с представителями других социальных групп, проблема духовных межличностных контактов, осуществляемых в ходе различных видов деятельности, привлекает внимание потому, что, как уже отмечалось, в этом общении складывается, формируется и развивается групповая психология³⁵. Поэтому указанная проблема должна рассматриваться со всех сторон: мотивационно-побудительной (причины и цели общения), коммуникативной (формы и характер общения), гностической (взаимопонимание, представление друг о друге, складывающееся в ходе и результате общения)³⁶.

Формирование, функционирование и развитие групповой психологии должно быть осмыслено как двуединный, взаимосвязанный, взаимостимулирующийся процесс уподобления внутри группы ("мы") и отталкивания, обособления, противопоставления по отношению к другим группам ("они"). Процесс этот протекает в основном стихийно, подчас неосознанно, однако в какой-то мере (у отдельных групп весьма высокой) и сознательно, идеологически мотивированно. При этом, как справедливо подчеркивает Б.Ф.Поршнев, следует иметь в виду, что в константных элементах общественной психологии (составляющих психический склад социальной общности с его ядром — социальным характером) негативность ее в отношении каких-либо "они" может быть и малозаметна; она выявляется, однако, все больше и больше по мере увеличения подвижности этих компонентов, достигая апогея в настроениях³⁷.

Таким образом, специфически психологической задачей историко-социологического исследования является показ того, как в процессе деятельности и связанного с ней общения внутри и вне группы у членов ее постепенно сглаживаются (хотя полностью не исчезают никогда) индивидуальные различия в социально-значимых восприятиях (людей, вещей, событий, действий, отношений), и групповые установки, ценностные ориентации и нормы поведения становятся, осознанно и неосознанно, системой отсчета в чувственных и рациональных отражениях действительности и в регулируемом ими открытом поведении.

Социализация происходит, как известно, не только путем подавления индивидуальных особенностей личности под непрерывным воздействием социальных требований и норм, но и путем оптимального использования первых для реализации вторых³⁸. Каждая социальная система (а внутри нее — социальная группа) не столько "формирует" личность в смысле внешнего, механического привнесения в структуру последней определенных черт (хотя и это имеет место), сколько отбирает и культивирует из сложившихся в ходе антропогенеза наследственно закодированных задатков те черты, свойства, особенности, которые представляют для данной системы и группы наибольшую ценность³⁹.

Если личность, несмотря на групповое воздействие, не примет сразу предлагаемого ей группой сознания, то она, по крайней мере в большинстве случаев, вынуждена принимать для себя поведение, соответствующее групповым стандартам (которые отражают непосредственно потребности, а опосредованно-общественные

отношения окружающих ее людей). "А это уже, как правило, решающий шаг к принятию и сознания окружающих"⁴⁰. Процесс конформирования личности группой одновременно является - если рассматривать его с другой стороны - процессом формирования характерных для изучаемой группы стереотипных установок и ценностных ориентаций и соответствующих им стандартов поведения.

Общественная (в том числе групповая) психология представляет собой нижний уровень ("этаж") общественного сознания, его массовидную форму - эти положения общепризнаны в марксистской литературе. Однако в том, что касается структуры и компонентов общественной психологии, единого понимания пока не выработалось. Между тем этот вопрос существенно важен для уточнения предмета исследований психологии социальных групп, а также системы категорий, используемых в таких исследованиях. Поэтому мы постараемся воспроизвести имеющиеся в литературе точки зрения, высказав, по возможности, свое отношение к ним.

А.И.Горячева, например, выделяет три класса общественно-психологических явлений. К первому она относит сравнительно устойчивые элементы, образующие психический склад определенной социальной общности. Под психическим складом понимается инвариантное в изменяющемся многообразии психической жизни общности, выражающееся в формах, которые фиксируют на данном, нижнем уровне общественного сознания информацию об условиях, исторически являющихся общими для изучаемой социальной группы. А.И.Горячева определяет психический склад как исторически сложившуюся совокупность специфического характера, волевых качеств, привычек, традиций, устойчивых вкусов; сюда же относятся ею и предрассудки. Ко второму классу - более подвижные, динамичные элементы: характерные для данной общности людей эмоциональные и несистематизированные интеллектуальные отражения общих социально-значимых раздражителей (экономических, производственных, бытовых, политических, природных и иных условий) в текущем процессе общественной жизни. Это - социальные потребности, интересы, эмоции и чувства, настроения, идеалы, чаяния, иллюзии. Другие авторы добавляют к этому перечню такие компоненты, как желания (стремления, влечения), надежды, мнения, взгляды, идеи, убеждения⁴¹. Наконец, к третьему классу относятся ею скоротечные общественно-психологические явления, имеющие место лишь в непосредственно взаимодействующих в информационном отношении совокупностях людей (мода, слухи, паника и др.)⁴². Таким образом, в основе это-

го деления лежат следующие признаки: степень стабильности (или, наоборот, динамичности) и "ареал распространения", если можно так выразиться, тех или иных общественно-психологических явлений.

В.В.Ермолин группирует элементы общественной психологии по-иному. В первую группу входят социально-психологические свойства: потребности, интересы, чаяния, цели и воля людей, которые в своей совокупности отражают самые существенные стороны их социальной жизни, мобилизуют их на различные виды деятельности. Во вторую — социально-психологические состояния: чувства, эмоции, страсти, настроения, мнения, предрассудки, иллюзии, — которые проявляются при чувственно-эмоциональных отношениях людей и активно участвуют в формировании социально-психологических явлений. Третью группу — социально-психологические отношения — образуют устойчивые формы и продукты человеческой деятельности, материализованные и закреплённые в реальном поведении: привычки, навыки, обычаи, нравы, традиции. Они выражают в концентрированном виде общепринятый порядок общественного поведения и отношений, пронизывая собой всю систему социальной жизни людей. И, наконец, четвертая группа — социально-психологические процессы: внушение, убеждение, подражание, пример, вкус, мода. Свойственные различным формам непосредственного общения людей, они рассматриваются как элементы механизма социально-психологического общения в целом⁴³. Обращает на себя внимание отсутствие в предложенной им схеме такой ключевой социально-психологической категории, как социальный характер.

В.А.Демичев подразделяет общественную психологию на два слоя: эмоционально-волевой и обыденно-логический. К первому он относит волевые качества, стремления, эмоции и чувства, настроения, ко второму — мнения, взгляды, принципы, убеждения, идеалы, иллюзии, умонастроения. Некоторые из перечисленных А.И. Горачевой компонентов (в частности, социальный характер) захватывают, по его мнению, оба слоя общественной психологии. Ряд уже названных компонентов, по концепции В.А.Демичева, вообще не укладывается в рамки общественной психологии, в частности обряды и традиции, которые, по его словам, "никак нельзя свести к обрядным и традиционным чувствам, эмоциям, настроениям, мыслям и т. п. компонентам сознания, ибо они органически включают в качестве важнейшего элемента и соответствующие действия, поведение". Последнее же, как подчеркивает В.А.Демичев, не является общест-

венно- п с и х о л о г и ч е с к и м я в л е н и е м (оно "пронизано" психологией, но не сводится к ней и в конечном счете определяется не ею, а более глубоко лежащими материальными причинами). Явления психики, характерные для непосредственно взаимодействующей в информационном отношении совокупности людей, относятся им не к общественной психологии в собственном смысле слова (т.е. психологии общества и больших социальных групп), а к групповой психологии малых социальных общностей⁴⁴.

Что же касается потребностей и интересов, то в литературе существуют три точки зрения. Некоторые авторы (В. Г. Иванов, В.А.Мальков, В.С.Мерлин, М.И.Заозеров, А.И.Горячева, В.Н.Колба-новский, Б.Ф.Поршнев, П.Г.Олдак, В.В.Ермолин и др.) трактуют интерес и (обычно) потребность как психологические акты и состояния, общие индивидуальному и общественному сознанию. Представители противоположной точки зрения (Г.М.Гак, Г.Л.Смирнов, Г.Е.Гле-зерман, В.Н.Лавриненко, В.А.Василенко, Я.А.Кронрод, Д.И.Чесноков, Ю.С.Завьялов, А.И.Горак, Н.А.Маслова, Р.Д.Гринкевич, А.М.Маргу-лис, Б.В.Князев, А.И.Куфтырев, А.С.Фетисов, О.В.Лармин, Л.П.Бу-ева, М.А.Барг, В.А.Демичев) считают их реальными (т.е. матери-альными) зависимостями социальных субъектов от соответствующих параметров среды, внутренней и внешней, необходимых для их (субъ-ектов) нормального функционирования и развития. Эти зависимости, или, как выражается В.А.Демичев, "направленные материальные про-цессы объективной предрасположенности социального организма или социальных групп к определенным факторам действительности" (В.А.Василенко дает еще более яркую формулировку - "заложенная в нас природой и обществом программа жизнедеятельности") могут осознаваться в большей или меньшей степени, более или менее адекватно соответствующими социальными субъектами, но сами по себе не являются актами общественного сознания (за исключением духовных потребностей). И, наконец, представители третьей, "про-межуточной" точки зрения (В.Г. Нестеров, А.Г. Здравомислов, Н.Д.Табунов, О.К.Лебедева, Т.А.Кулиев, В.Н.Мясищев, А.Г.Ковалев, Д.А.Кикнадзе, Г.Х.Шингаров, Ю.П.Никифоров и др.) видят в инте-ресах (а некоторые из них в потребностях) единство реальной (материальной) и идеальной (духовной) сторон⁴⁵. Соответственно пер-вые безоговорочно относят социальные потребности и интересы к числу компонентов общественной (в том числе групповой) психоло-гии, вторые столь же решительно исключают их оттуда (компонен-тами общественной психологии они считают лишь формы осознания потребностей и интересов - стремления, чаяния, взгляды и пр.),

а третьи квалифицируют как компонент общественной психологии лишь идеальную (или, как они иногда выражаются, "субъективную") сторону потребностей и особенно интересов. Из предшествующего изложения ясно, что мы придерживаемся второй точки зрения, считая ее наиболее обоснованной теоретически и плодотворной практически.

Следует заметить, однако, что разногласия, по крайней мере отчасти и в некоторых случаях, могут объясняться и многозначностью самого термина. В силу этой многозначности потребность и особенно интерес как категории социологии иногда отождествляются (и подменяются) формами их сознания, той целенаправленностью внимания и воли субъекта, которая в психологии также выступает под именем "интерес".

Наконец, нельзя не отметить, что идеи, взгляды, принципы, идеалы, которые названными выше авторами рассматриваются как компоненты общественной психологии, в других работах трактуются как категории высшего, теоретически систематизированного уровня общественного сознания — идеологии⁴⁶.

Однако дискуссии не прекращаются и с решением вопроса об отнесении того или иного из перечисленных компонентов к общественной (в том числе групповой) психологии. Встает вопрос о содержательной трактовке каждого из этих компонентов. Взять, например, социальный характер. "Философский словарь" определяет характер (вообще) как "совокупность устойчивых психических особенностей человека, которые зависят от его деятельности и условий жизни и проявляются в поступках"⁴⁷. "Характер человека проявляется в поступках, но в его поступках он и формируется; характер человека — и предпосылка, и результат его реального поведения в конкретных жизненных ситуациях; обуславливая его поведение, он в поведении же и складывается", — писал выдающийся советский психолог С.Д.Рубинштейн, чьи идеи оказали заметное влияние на многие направления отечественной психологии⁴⁸. По мнению основоположника грузинской психологической школы Д.Н.Узнадзе, характер всегда "проявляется эмпирически и вне этого проявления, отдельно никогда не существует"⁴⁹. Однако известный советский социолог И.С.Кон считает, что определение характера, данное в "Философском словаре", может интерпретироваться по-разному. "... Встает вопрос: идет ли речь об особенностях так называемого открытого поведения, которое доступно внешнему наблюдению, или о внутренней структуре личности, которая может

и проявляется в ее поведении, а может и не проявляться или во всяком случае проявляется по-разному?"⁵⁰ Тот или иной вариант ответа на этот вопрос, по-видимому, влечет за собой и различия в подходах к научной реконструкции феномена.

Далее. Современная психология рассматривает характер — и индивидуальный, и социальный — не как простую сумму черт, а как определенную целостную структуру ("интегральное соотношение основных тенденций личности"⁵¹, "такое сочетание стержневых черт, с позиции которых многочисленные человеческие свойства воспринимаются как нечто единое"⁵²). Однако природа этой структуры, этого интегрального единства определяется неоднозначно: как структура мотивов⁵³, структура ценностных ориентаций⁵⁴, структура устойчивых целей и способов их достижения⁵⁵, структура отношений и способов их осуществления⁵⁶, структура фиксированных установок большого личностного веса или значения⁵⁷. За различиями, которые в большинстве случаев являются терминологическими, иногда скрываются и существенные смысловые оттенки. В изданном ЮНЕСКО "Словаре общественных наук" предпринята попытка "синтеза" (точнее было бы сказать — соединения) различных подходов. "Структура характера" определяется там как "объяснительное понятие, выводимое из привычных или значимых действий индивида и обозначающее взаимосвязанный ряд установок, ценностей, усвоенных мотивов, стремлений, защитных механизмов и оложившихся путем обучения способов выражения импульсов"⁵⁸.

Расхождения встречаются и в содержательной трактовке других компонентов общественной психологии.

Наконец, третья группа познавательных трудностей непосредственно связана со способами реконструкции групповой психологии. Последняя, по общему мнению марксистов, представляет собой отражение условий окружающей социальной и природной среды в соответствии с местом, занимаемым в этой среде изучаемой социальной группой. Социальная и природная действительность, определяющая содержание психологии группы, чрезвычайно многообразна. Она включает всю совокупность условий ее бытия: географическую среду, в которой существует данное общество, и историческое прошлое этого общества и данной социальной группы; место группы в социальных отношениях (структуре), условия, содержание и характер ее трудовой и иной деятельности, уровень и структуру потребления; культуру и идеологию окружающего общества, его политические институты и формы общественной жизни; наконец, общую социально-

политическую обстановку в стране и мире, — все эти и многие другие факторы, переплетаясь и взаимодействуя, образуют объективную основу группового сознания.

Между тем при содержательном определении этих факторов — и прежде всего социально-экономической формации, этапа ее развития, той или иной модели (типа) этого развития — мы по необходимости вынуждены исходить из того, что уже добыто и считается установленным в исторической науке, хотя и сознаем относительный характер этого знания и вместе с тем его значительное влияние на интерпретацию результатов конкретного историко-социологического исследования. В самом деле, ведь представления об исторической закономерности, обусловившей возникновение и эволюцию данной социальной группы, о ее месте (позиции) в социальной структуре и вытекающей из этой позиции общественной роли (функциях) заимствуются из существующих исторических концепций в качестве исходной предпосылки исследования. Конечно, в итоге того или иного исследования исходные предпосылки его могут быть в определенной мере уточнены, скорректированы, модифицированы. Но обойтись без их заимствования со всеми вытекающими отсюда последствиями невозможно.

Далее. Общий подход к проблеме реконструкции групповой психологии указывается, как известно, принципом связи психики и деятельности. Согласно этому принципу деятельность изучаемой группы, детерминируемая макросредой (общественной и естественной) и местом, занимаемым в этой среде социальной группой, детерминирует, в свою очередь, строение ее (группы) психики и сознания. Изменения макросреды (прежде всего, условий общественного производства и вытекающей из них социальной структуры) влекут за собой сдвиги в групповой психологии лишь посредством преобразования, по крайней мере частичного, деятельности группы и взаимодействия ее с другими группами общества (элементами социальной системы). С другой стороны, психика, сознание, определяемые указанными выше факторами, понимаются как побуждающее, регулирующее, контролирующее звено деятельности. Из этого принципа вытекает, что в самих результатах коллективной деятельности, в различных творениях общественного человека находят свое выражение его психические свойства, способности, духовные силы. Отсюда тезис о возможности воссоздания групповой психологии по продуктам созидательной деятельности группы, по совокупности индивидуальных и коллективных творений ее членов. Ведь социальная деятельность, как отмечает Л.И. Анцыферова, словно бы соединяет

ансамбли различные психические процессы и явления, мотивирующие, регулирующие, контролирующие ее протекание и, наконец, находящие свое частичное выражение в разных сторонах продуктов этой деятельности⁵⁹ (овеществленных, в частности, в виде исторических источников).

Однако проблема, встающая перед исследователем, как признает та же Л.И. Анциферова, состоит в выявлении того, каким же конкретно образом связаны психические свойства и психическая деятельность индивида или группы с продуктами их созидательной деятельности, по каким параметрам этих последних можно судить об особенностях содержания и способов функционирования психики их творцов. Эта проблема в ее общем виде пока еще не решена психологами. Некоторые скептически настроенные авторы, оспаривая ее принципиальную разрешимость, осылаются на широко распространенное мнение, что один и тот же результат может быть следствием различных процессов, и что, следовательно, различие это не находит своего выражения в результатах. Другие же считают, что своеобразие психических процессов, регулирующих ту или иную деятельность, непременно должно выразиться в особенностях продуктов деятельности (в соотношении их с другими творениями), в границах применения этих продуктов, в использовании их как средств для создания новых объектов⁶⁰.

Ряд социальных психологов обращает внимание и на следующее обстоятельство. Чем более установившимися, широко разделяемыми, вошедшими в плоть и кровь — т.е. чем более важными и характерными для групповой психологии — являются те или иные установки и нормы, тем менее они осознаются (ибо становятся как бы само собой разумеющимися).

Т. Шибутани, говоря об этом, замечает: "... именно потому, что так много важных норм лишь подразумевается, посторонним часто трудно освоиться в новой для них группе. Европейские интеллигенты, которые переселились в Америку, чтобы избежать преследований нацистов, много читали о принимающей их стране и часто лучше, чем американцы, знали ее историю, законы и обычаи. Однако эти люди обладали "знанием" американской жизни, но не "знакомством" с нею. Они были неспособны понять много такого, что любой ребенок, выросший в Соединенных Штатах, чувствует интуитивно"⁶¹.

"Неосознанность таких нормативных систем часто повышает их эффективность: поскольку они не осмысливаются и люди руководст-

вуются ими, не воспринимая их сознательно, то сплошь и рядом развивается и критическое отношение к этим нормам"⁶². Не следует ли, однако, отсюда, что эти установки и нормы могут и не выражаться в исторических источниках, по крайней мере исходящих от изучаемой группы?

Наконец, при анализе источников с целью выявления характерных для групповой психологии черт и особенностей вырисовывается и другая познавательная трудность. Как отделить с достаточной степенью обоснованности индивидуальное в психологии конкретных исторических личностей, оставивших свой след в этих источниках в качестве их авторов или героев, от группового, т.е. инвариантного? Ведь вопрос о соотношении в психологии личности компонентов разной степени общности — того, что называется индивидуально-психологическими особенностями и порождается неповторимым сочетанием био-, психо- и социогенных факторов (наследственно обусловленных задатков, своеобразия жизненного опыта и уникальной интеграции социальных ролей), и того, что оставляет общее для многих людей, групповое и порождается отражением в их сознании общих для них условий существования — является до сих пор одним из наименее разработанных в психологической науке⁶³. Общеметодологическую основу для его исследования дает материалистическая диалектика: "... Отдельное не существует иначе, как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т.д. и т.д. Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого рода отдельными (вещами, явлениями, процессами) и т.д."⁶⁴. Ясно, что групповое не существует в сознании индивида в чистом виде, как самостоятельная субстанция, а всегда своеобразно преломляется через индивидуальное.

IV

Что можно было бы сказать по поводу всего вышеизложенного? Как уже отмечалось, для быстро развивающихся научных дисциплин, к числу которых относятся социология и социальная психология, включая их пограничные с историей разделы, вполне естественным является такое положение, когда и предметная область, и понятийно-категориальный аппарат, и методы находятся в процессе становления и, наряду с проблемным содержанием, представляют собой

е неутрачивающих дискуссий. (Мы говорим в данном случае лишь о дискуссиях среди ученых-марксистов, а не о тех идейных разногласиях, что происходят от различия мировоззренческих, общеметодологических подходов, восходящих, в конечном счете, к различным классовым позициям). Однако будущему автору конкретного историко-социологического исследования от этой констатации, как говорится, не легче. Ведь фактом остается то, что из "потребителя" готовых онтологических представлений и специальной методологии, пусть активно избирательного и творчески относящегося к делу, он вынужден превратиться, вначале для самого себя, в арбитра высокотeorетических споров и, поскольку он все же приступает к исследованию, в участника выработки этих представлений и этой методологии.

Да, именно в участника. В чем же может состоять его вклад в решение этих многосложных проблем? Навряд ли в их теоретическом анализе: здесь ему, думается, было бы трудно, да и нецелесообразно конкурировать с "профессиональными" методологами. Скорее в другом: в проверке и отработке на практике исследования тех содержательных представлений о предмете и категориях этих дисциплин, тех специальных методов и частных методик, которые будут им эксплицитно или имплицитно приняты и положены в основу конкретно-исторического исследования.

В этой связи естественный интерес вызывает анализ практического опыта, накопленного уже исторической и смежными с ней общественными науками в области такого рода исследований психологии социальных групп⁶⁵. Мы имеем в виду прежде всего работы историков, философов, социологов, психологов, литературоведов и искусствоведов-марксистов, как советских⁶⁶, так и зарубежных⁶⁷, а также работы тех западных ученых, которые в той или иной мере тяготеют к марксизму или же испытывают его влияние⁶⁸.

О чем свидетельствует опыт этих авторов?

Во-первых, о том, что конкретно-историческое изучение психологии социальной группы может и должно опираться на результаты предшествующих ему исследований социально-экономического и политического развития данного общества. При этом возможность корректировки эвентуального искажающего влияния тех или иных из заимствованных представлений о среде на интерпретацию конкретных результатов данного исследования обеспечивается отмеченной уже инвариантностью научных исторических фактов, допускающей постановку их и в иные связи и отношения. Удерживается

прежде всего "информирующее" знание фактов, идущее от источника; в "оценочное" же знание фактов могут быть внесены существенные коррективы⁶⁹.

Во-вторых, опыт указанных выше авторов свидетельствует, что в творениях общественного человека — технике, науке, искусстве, языке, религии, социальных институтах — кристаллизуется, определяется, зачастую неосознанно для непосредственных творцов, содержательное и структурное своеобразие его мышления, памяти, эмоциональной сферы. Это своеобразие, при соответствующей подготовке и мастерстве исследователя, может быть реконструировано с помощью своего рода археологического или палеонтологического анализа.

Сказанное выше относится и к вопросу об отражении ценностей и норм группы в исходящих от нее источниках. Для выявления этих феноменов используется также анализ источников, исходящих от других социальных групп, представители которых воспринимали указанные ценности и нормы со стороны и, следовательно, сознательно (с учетом, разумеется, социально обусловленной направленности такого восприятия). Наконец, внимания заслуживают и зафиксированные в источниках случаи так называемого отклоняющегося поведения, т.е. нарушения или оспаривания норм членами группы или посторонними, поскольку такие случаи дают обычно повод для осознания отработанных до автоматизма норм и стандартов социального поведения и мышления.

В-третьих, опыт этих исследователей говорит, что душевный мир членов изучаемой социальной группы должен реконструироваться по всем доступным (т.е. оставившим свой след в источниках) проявлениям — как открытому их поведению, так и интимным мыслям и переживаниям, нашедшим отражение лишь в личных документах тех или иных людей. Однако роль фактов-источников, освещающих открытое поведение, в реконструкции психологии группы значительнее, нежели в реконструкции психологии личности, ибо степень реализуемости, "материализуемости" коллективных побуждений в действиях выше, нежели побуждений индивидуальных.

В-четвертых, опыт перечисленных исследований показывает, что результативным может быть лишь такое изучение психологии группы, при котором она (психология) не отрывается от верхнего слоя общественного сознания — идеологии. В лучших работах этого типа читатель имеет возможность проследить, как идеология питается и окрашивается психологией и как она, в свою очередь, влияет на формирование последней.

Психология той или иной социальной группы изучается в них и функционирующее духовное образование, являющееся, наряду с психологией, средством социальной ориентации группы. Особое внимание уделяется авторами изучению диалектической взаимосвязи и взаимодействия (вплоть до взаимопереходов) ее (групповой психологии) отдельных компонентов, каждый из которых рассматривается в свою очередь, со стороны своего содержания и принятых в группе способов (форм) проявления (удовлетворения).

И, наконец, опыт этих исследований, на наш взгляд, говорит в пользу того, что оптимальным способом элиминирования "чисто-индивидуального" и реконструкции "группового" в психологии членов изучаемой группы является создание соответствующей логической модели действительности — научного социально-исторического типа.

Мы не будем говорить подробно о важности моделирования вообще, о том, как из специального приема научного исследования, применявшегося при решении некоторых частных задач⁷⁰, оно превратилось в один из основных методов познания, стало составной частью гносеологии наряду с ее старыми методами (индукцией, дедукцией, анализом, синтезом и т.д.). Научные модели являются заместителями объекта познания и находятся с ним в таком соответствии, основанном на различных видах аналогии (изоморфизме, гомоморфизме, изофункционализме, отношениях части и целого, общности причин и т.д.), которое позволяет получить при их изучении новое знание о предоставляемом им объекте. Модели, применяющиеся в общественных науках, являются абстрактными, логическими или логико-математическими — в отличие от вещественно-физических или вещественно-математических моделей. Они конструируются из знаков, и эта главная особенность их, резко отличающая их от моделей двух других типов, определяет и остальные отличия. Описание модели в данном случае неотделимо от самой модели; возможность экспериментирования на модели в строгом смысле этого слова отсутствует, и новые знания об интересующем нас объекте получаются путем логических (логико-математических) выводов из первоначального описания модели.

Социально-исторический тип личности как модель конструируется путем абстрагирования. Однако абстрагирование может осуществляться различными способами. В естественных науках (например, классической механике) оно осуществляется путем идеализации. Идеальные объекты, которыми оперирует классическая механика и

для которых она устанавливает свои законы (ибо формулирование законов, учитывающих индивидуальности действительных объектов, т.е. совокупность бесконечного множества параметров и характеристик, присущих каждому из них, в принципе невозможно), создаются так. Из принципиально бесконечной совокупности признаков индивидуальных (единичных) объектов выделяются лишь несколько существенных или один из них — общие для всех этих объектов, — а остальные элиминируются. Таким путем, в результате предельного перехода, происходит условное отождествление индивидуальностей и формирование идеализированных объектов (точка, абсолютно твердое тело, идеальный газ и т.д.), не существующих в действительности, но необходимых логически⁷¹. Идеализация как способ абстрагирования основана на отвлечении от принципиальной невозможности реального существования таких объектов.

В отличие от этого модели, применяемые в исторической и других общественных науках, конструируются иным способом абстрагирования. Способ этот называется типологизацией. Образование эмпирического типа (модели) в символическом выражении можно представить так: если даны четыре явления $a'b'cd$, $ab'cd$, $abc'd$, $abcd$, — то $abcd$ будет их средним типом. Этот тип, как подчеркивает А.В.Гулыга, образуется не непосредственным отвлечением общих признаков, присущих каждому из четырех явлений (таких признаков, как в данном конкретном случае, может и не быть), а конструированием их общей основы. Другой вид типологизации основан на восхождении от абстрактного к конкретному. Суть этого метода, примененного Марксом к анализу капиталистического общества, изложена им во "Введении" (из "Экономических рукописей 1857–1858 гг.")⁷² и неоднократно становилась предметом рассмотрения в современных работах по диалектической логике⁷³. Чувственная конкретность выступает как отправной пункт для выработки абстракций, которые затем служат строительным материалом для создания логической конкретности, нахождения мысленной модели реальных отношений. Таким образом, типология, в отличие от идеализации, основана на отвлечении от невозможности (или, во всяком случае, крайне малой вероятности) существования таких объектов в "чистом виде"⁷⁴.

В непонимании или сознательном игнорировании различия между этими двумя способами абстрагирования и состоит один из коренных гносеологических пороков тех немарксистских социологических теорий (например, М.Вебера и его последователей), которые

пытаются осмыслить и реконструировать развитие общества как "логически упорядоченный" процесс. Они рассматривают социологические абстракции (категории, модели и пр.) как продукты идеализации (в лучшем случае), а не типологизации, как "логические утопии, лишенные онтологического эквивалента".

Маркс, Энгельс, Ленин придавали социальной (социально-исторической) типологии личностей чрезвычайно большое значение — как теоретическое, так и практическое. "Личные исключения из групповых и классовых типов, — говорил В. И. Ленин, — конечно, есть и всегда будут, но социальные типы остаются"⁷⁵. Еще в начале века, в "Что делать?" он писал, что рабочий, чтобы стать социал-демократом, "должен ясно представлять себе экономическую природу и социально-политический облик помещика и попа, садовника и крестьянина, студента и босяка, знать их сильные и слабые стороны, уметь разбираться в тех ходячих фразах и всевозможных софизмах, которыми прикрывает каждый класс и каждый слой свои эгоистические пожелания и свое настоящее "нутро..."⁷⁶. Классики марксизма-ленинизма в своих произведениях дали замечательные образцы реконструкции социальных типов личности как современного им общества, так и прошлых эпох. Известно особое внимание В.И.Ленина к проблемам общественной психологии в послеоктябрьский период, когда на повестку дня встала историческая задача воспитания нового человека. "Решение задач коммунистического воспитания, формирования всесторонне развитой личности выдвигает перед общественными науками важную теоретическую проблему типизации личностей"⁷⁷, — отмечалось в партийной печати.

Понятие социального типа личности имеет большое методологическое значение, ибо без социально-типологического обобщения невозможно понять ни одну конкретную личность, оставившую свой след в источниках. Социальный (социально-исторический) тип воплощает наиболее характерные, существенные, относительно устойчивые, повторяющиеся социальные качества личности, усваиваемые в процессе социализации и проявляющиеся в социально-организованной деятельности.

Характеристика той или иной социальной структуры получает свое логическое завершение в реконструкции соответствующих типов личности, персонализирующих эту структуру, иначе говоря — в реконструкции личностно-типологической структуры общества. Эта последняя персонализирует прежде всего основное (классовое) чле-

нение социальной системы и весь "набор" составляющих эту систему социальных групп⁷⁸.

Социальный тип личности, соответствующий той или иной группе, складывается из: 1) места личности в объективной социальной структуре (социальная позиция, статус) и вытекающих из него функций (социальные роли); 2) отношения к ним, вытекающего из системы ценностных ориентаций личности (социальный характер). Посредством анализа различных сочетаний этих двух факторов (конкретизируемых, в свою очередь, рядом признаков) и происходит реконструкция социальных типов личности, персонифицирующих изучаемую группу⁷⁹.

Сущность социальных типов личности, следовательно, надо искать в особенных (пользуясь ленинским различием общего, особенного и единичного) связях индивида и социальной среды, не забывая при этом о неизбежно своеобразном, неповторимо индивидуальном преломлении этой сущности в единичном (конкретной исторической личности).

В историко-социологических исследованиях необходимо сопоставлять социально-характерологические особенности со статусно-ролевой структурой, которая их порождает и культивирует, определяет возможные пути и формы их проявления. Сопоставлять, например, объективные возможности, пути и формы обогащения, "карьеры" и пр., создаваемые функционированием и развитием данной социальной системы, и психологические качества, позволяющие и побуждающие использовать эти возможности. Эта проблема лежит на взаимнопроникающем стыке исторической социологии, социальной психологии и теории личности.

Если основные социально-психологические потребности людей немногочисленны и довольно универсальны, то ценности, с помощью которых они могут быть реализованы, весьма разнообразны, причем каждая историческая эпоха и группа отбирает и комбинирует эти ценности своим специфическим способом. Историко-социологическое исследование группы должно выявить типичные для нее ценностные ориентации, их иерархию, установить степень их устойчивости (или изменчивости), согласованности (или противоречивости). При исследовании системы ценностей и норм основного внимания заслуживает вопрос: что именно в рамках этой системы выступает в качестве главной цели (или целей) жизни и поведения человека группы и какие средства санкционируются ею для достижения этой цели. По терминологии Ю.А.Замошкина, это — выяснить соотношение "норм-це

лей" и "норм-рамки"⁸⁰, характерное для данной системы ценностей (их возможную гармонию, противоречие, антагонизм); по терминологии американского социолога М.Лернера — соотношение между "оперативным" (действующим) и "формальным" кодами (т.е. системами правил) поведения⁸¹, — между реально работающей, практической моралью, воплощенной в нравах, привычках, обычаях, суждениях, правилах, оценках, которыми пользуются члены группы в своей повседневной жизни, и религиозно-философско-этическими доктринами, официально провозглашаемыми в изучаемом обществе.

Несколько меняя ракурсы, можно сформулировать и следующий аспект проблемы: соотношение между так называемой "базовой личностью" и "культурным идеалом личности", свойственными изучаемой социальной группе. Под "базовой личностью" (или основной структурой личности)⁸² понимается комплекс черт, относительно чаще проявляющихся у членов данной группы, независимо от того, считаются ли они в ней особо желательными или нет; под "культурным идеалом личности" — комплекс предписаний, каким должен быть член данной группы, чтобы онискать себе в ней признание и положительную оценку. "Базовая личность" идентична понятию "социальный характер", "культурный же идеал личности" не обязательно идентичен официальному этическому идеалу данного общества⁸³.

Социальный характер, стандартизуя реакции личности применительно к широкому кругу социально значимых ситуаций, служит реальным регулятором ее поведения. Необходимо, однако, не ограничиваясь этим, изучить систему социального контроля в группе. Я.Щепаньский определяет эту систему как "ряд мер, способов внушения и уговещения, предписаний и запретов, систем принуждения и давления вплоть до применения физического насилия, систему способов выражения признания, отличия, наград, благодаря которой поведение подгрупп и индивидов приводится в соответствие с принятыми образцами деятельности, осуществляется с соблюдением критериев ценностей — словом, при помощи которой формируется конформизм членов"⁸⁴. Элементами этой системы являются санкции (реакции группы на поведение индивида в социально значимых ситуациях), которые могут быть негативными (наказания) и позитивными (поощрения), формальными и неформальными, правовыми, религиозными, этическими и т.д. В историко-социологических исследованиях групп особое внимание должно быть уделено системе неформального надзора (со стороны общественного мнения группы), осуществляемого путем постоянной взаимной и сопряженной оценки поведения ее членов.

Важным для социологической характеристики группы является, далее, следующий вопрос: в какой мере группа определяет физический образец своего члена (его внешний вид), моральный образец (кодекс поведения), функции, которые он должен выполнять в рамках реализации групповых задач. Поглощает ли она личности своих членов целиком или почти целиком, подчиняя себе также роли, выполняемые ими в других группах (тогда членство в данной группе оказывается доминантой, стержнем ролевой структуры личности), или же принадлежность к группе захватывает только некоторые черты личностей ее членов, определенную часть их жизненной активности, оставляя им весьма значительную личную сферу⁸⁵.

Одним из направлений историко-социологического исследования группы является анализ взаимоотношений между лидерами (авторитетами) и группой. Этот анализ охватывает такие аспекты, как степень обособления, отличия лидеров и вместе с тем мера воплощения в них особенностей групповой психологии и поведения, являющихся образцом для подражания членов группы; степень власти лидеров над группой и вместе с тем мера их обратной зависимости от нее; типы лидеров; механизм отбора лидеров; явления конфликта между лидерами и механизм разгрома этих конфликтов. Генезис и эволюция типа (или типов) лидеров должны быть увязаны с характером и эволюцией объективных задач исследуемой группы в функционирующей и развивающейся социальной системе. Для изучения механизма отбора лидеров необходимо выявить и проанализировать критерии отбора, реально действующие в данной социальной группе, а также способы применения этих критериев теми, кто занимает более высокое положение в иерархической структуре; психологические и социальные особенности лиц, добившихся успеха в группе⁸⁶.

Наконец, в задачи таких исследований входит и ответ на вопросы: характерны ли для членов изучаемой группы (т.е. социально обусловлены в узком смысле слова) меж- и внутриролевые конфликты, социальные болезни личности, и если да, то в какой мере, в чем именно их причины, какова их сущность и формы их внешнего проявления.

Историко-социологическое исследование группы, как мы уже видели, может проводиться и вне связи с вопросом о нравственных качествах ее членов (изучаются лишь объективные их характеристики). Однако потом неизбежно появляется задача выявить зависи-

мость между моральным уровнем членов изучаемой группы и инстинктов, в которых они функционируют, с одной стороны, и объективной социальной структурой, с другой, и реконструировать механизм осуществления этой зависимости.

Существует и возможность ценностного подхода к нравственности изучаемой группы, при котором она (нравственность) сопоставляется с нравственностью других социальных групп и оценивается с точки зрения общесоциального критерия нравственного прогресса⁸⁷. Такие сопоставления и оценки производятся в границах самого нравственного сознания, однако они опираются на определенную объективную философско-историческую "шкалу". С точки зрения марксизма, "всякий классовый интерес (и соответствующая ему мораль) есть вместе с тем ступенька и особая форма выражения единого процесса поступательного движения истории"⁸⁸. Теоретическая реконструкция этого процесса, его направления, основных закономерностей и этапов, которую дает исторический материализм, и составляет такого рода "шкалу".

Ценностные возможности социальной системы, в которую включена изучаемая группа, являются, по-видимому, теми объективными рамками, внутри которых для членов группы возможен свободный выбор, влекущий за собой социальную, нравственную ответственность.

Последний, впрочем, также детерминирован (т.е. причинно обусловлен). Однако количество факторов различного уровня и плана, участвующих в этой детерминации, настолько велико, что практически не поддается учету, а механизм детерминации, т.е. совокупного действия качественно разнородных, взаимно субординированных закономерностей (детерминизмов) разных уровней (планов), настолько сложен, что однозначно объяснить и тем более предсказать конкретный результат этого процесса принципиально невозможно⁸⁹. Именно этот зазор, "люфт" между известными нам (хотя бы качественно) факторами и закономерностями и конкретным историческим результатом мы и считаем диапазоном свободного выбора, заполненным свободной человеческой активностью (личностей, групп и т.д.).

Рамки эти, однако, достаточно широки: богатство и разнообразие накоплений "социальной наследственности"⁹⁰ создают объективные предпосылки для свободы выбора личностью тех или иных

целей и средств, тех или иных решений и поступков. Мы отнюдь не преуменьшаем значение таких факторов, как место, занимаемое группой в социальной системе, и определяемая этим фактором основная социальная позиция личности, как степень жесткости социального контроля. Однако большинство социальных влияний (равно как и многие наследственные факторы) представляют собой "лимитирующую" детерминацию, они отнюдь не превращают человека в некое подобие автомата, механически реагирующего на внешние стимулы (а во втором случае — однозначно реализующего заложенную в нем генетическую "программу")⁹¹.

Нравственная ответственность распространяется и на действия социальных групп (Маркс, как известно, рассматривал эти действия в качестве поведения, имеющего личностную структуру⁹²), хотя, конечно, степень объективной детерминации и особенно степень ее выявляемости здесь значительно выше, чем в поведении индивида. Определение морального качества поступков (поведения) как индивидов, так и групп должно быть комплексным, т.е. учитывать не только значение предметного результата действия, но и мотив (великое "зачем"), моральные последствия позиции, занятой субъектом действия⁹³.

Целостное и глубокое представление о психологии социальной группы складывается, как уже отмечалось, путем привлечения фактов, отражающих самые различные стороны и сферы ее жизни. Эти факты должны быть осмыслены в каком-то едином ключе, чтобы за их внешней случайностью и хаотичностью проступили контуры структур, именуемых социальными характерами или, применительно к той или иной конкретной группе, социальными типами личности.

Диалектико-материалистический, научный подход к реконструкции психологии социальных групп принципиально противостоит идеалистическому и эклектическому, господствующим в современной буржуазной историографии. Последние, как известно, отрицают объективную закономерность в развитии общества, изображают духовный, в особенности психологический, фактор в качестве первичной детерминанты или одной из абсолютно независимых друг от друга детерминант социально-исторических процессов. Он противостоит и вульгарно (или непоследовательно) — материалистическому, отрицающему или недооценивавшему относительную самостоятельность психологического фактора и его роль в указанных выше процессах.

Мы постарались очертить с максимально возможной широтой, допускаемой современным уровнем теоретической разработки и практического решения этих проблем, круг задач историко-социологического исследования группы. Выбор и комбинирование этих задач в том или ином конкретном исследовании будут зависеть, конечно, от ряда факторов объективного и субъективного порядка. К первым мы относим наличие пробелов в имеющемся знании и "социальный заказ" на их ликвидацию, источниковую базу и сроки исследования, ко вторым — научные интересы и подготовку исследователя.

Остановимся подробнее на источниковой базе. Источниками для историко-социологических исследований могут быть самые разнообразные по своему происхождению и функциям, содержанию и форме материалы: 1) описания археологических памятников; 2) хроники, анналы и летописи; 3) этнографические описания; 4) публично-правовые акты (законодательные, административные, общественно-партийные), определяющие деятельность различных социальных групп и создаваемых ими интитутотв; 5) текущие материалы этих последних (распоряжения, переписка, протоколы, стенограммы, отчеты, статистические материалы, справки, докладные и памятные записки); 6) частноправовые акты, описи, реестры, расчетные книги и другая хозяйственная документация; 7) личные документы (дневники, переписка, воспоминания, мемуары, автобиографии); 8) биография и жизнеописания; 9) научные, политические, философские и богословские фактаты; 10) публицистика; 11) пресса⁹⁴; 12) произведения художественной литературы, фольклора и вообще искусства.

В последнем случае необходимо, разумеется, учитывать качественную специфику методов художественного познания (т.е. способов отражения объекта в искусстве) в отличие от научного познания вообще, исторического и социологического в частности. Однако важное значение памятников искусства, обеспечивающих яркость и непосредственность видения социальной действительности (хотя и проигрывающих по сравнению с научной реконструкцией в точности и объективности), для изучения существовавших в прошлом социальных групп несомненно. Следует сказать, что идея использования памятников художественной литературы — наиболее информативного вида искусства — в качестве источника по истории общественной пси-

хологии отнюдь не нова. Вспомним, как Маркс и Энгельс отзывались в этом плане о "Человеческой комедии" Бальзака⁹⁵. В русской дореволюционной историографии эта идея уже реализовывалась В.О.Ключевским⁹⁶, Н.А.Рожковым⁹⁷, в советской — Б.А.Романовым, в советском литературоведении — М.М.Бахтиным, в зарубежном марксистском антиковедении — Ж.-П.Вернаном. Мы назвали лишь несколько наиболее ярких примеров, чтобы показать, что советский историк и в этом отношении может опереться на некоторый опыт (критически воспринимаемый, конечно) своих предшественников и современников.

Итак, "историк, как правило, обращается к источникам разных видов и разновидностей и синтезирует в своем сознании впечатления, полученные и от знакомства с непосредственными остатками изучаемого явления (т.е. с так называемыми историческими остатками), и от знакомства с первичными представлениями о нем (т.е. с так называемыми историческими преданиями) и вообще с дошедшими до нас представлениями об этом историческом явлении (т.е. с так называемой исторической традицией в широком смысле слова). Наконец, с самого же начала исследования эти впечатления от первоисточников соединяются у ученого с "внеисториковедческими знаниями" — с впечатлениями, являющимися результатом его общих исторических знаний, а также знаний, почерпнутых из философии и других общественных наук, из житейского опыта"⁹⁸.

Каждому из перечисленных выше видов источников присуща своя специфика. Она заключается в особенностях отражения тех или иных черт, сторон или компонентов социальной действительности. Эта специфика обуславливает необходимость дифференцированного применения методических приемов, направленных на раскрытие информационного потенциала источников.

Понимается, прежде всего необходимо выявить (как и во всех прочих случаях) условия и характер происхождения источника, определяющие его содержание и форму: учесть эпоху и период, место происхождения, обстоятельства создания, назначение и тенденции (направленность) источника. Здесь на первый план выступает, конечно, классовый анализ; однако следует, не ограничиваясь им, учитывать в максимально возможной мере социальную (в широком смысле слова), т.е. внутриклассовую, партийную, национальную, государственную, религиозную, культурную принадлежность создателя (или создателей) источника и даже их индивидуально-психо-

логические особенности. Ибо все эти факторы, хотя и в разной мере, влияют на способ отражения в источнике исторической действительности и поэтому должны (в идеале) учитываться при решении вопроса о степени адекватности отражения и, следовательно, о правомерности использования данных этого источника для установления какой-либо закономерности или тенденции.

Историк, изучающий ту или иную социальную группу, наверняка столкнется с самыми различными пробелами и искажениями в используемых им источниках. Начнем с так называемых "стабильных пробелов". Письменные источники, которые в классово-антагонистических обществах, особенно рабовладельческом и феодальном, выходили по преимуществу из среды господствующих классов, зачастую не отражают жизнь различных социальных групп, из которых состояла в то время трудящаяся масса, или же отражают эту жизнь весьма отрывочно и фрагментарно. Причем, как справедливо отмечает польский историк Ц.Бобиньская, "областью наибольшего неравноправия в создании документальных свидетельств о жизни и сознании производящих классов" является именно общественное сознание (идеология и общественная, в том числе групповая, психология)⁹⁹. Далее, источники, вышедшие из враждебной социальной или политической среды, могут искаженно отражать факты действительности, характеризующие изучаемую группу¹⁰⁰. Искажение это, так же как умолчания, о которых говорилось выше, бывает как намеренными, так и ненамеренными (результатом своеобразной социально обусловленной аберрации зрения авторов или составителей указанных документов). И, наконец, не следует забывать и о возможности чисто субъективной, индивидуально-психологической детерминации тех или иных пробелов и искажений в источниках — как осознанной, так и неосознанной.

Предложение известного польского историка Е.Топольского приравнять фиксацию в источнике того или иного факта действительности и последующее сохранение источника от всех бедствий времени (т.е. так называемую естественную выборку) к случайной статистической выборке¹⁰¹, по-видимому, неприемлемо. Как справедливо заметил по этому поводу статистик и историк С.Боровский, такое отождествление было бы правомерным лишь в том случае, если доказано, что критерий отбора был независим от исследуемого признака¹⁰². Однако вряд ли найдется аспект истории группы, в отношении которого исследователь мог бы с уверенностью утверждать, что на фиксацию в источниках интересующих его фактов не повлияла позиция их составителей.

В отличие от социолога и социального психолога, работающих, как правило, на современных материалах, историк, за редкими исключениями, не может проверить или дополнить данные, извлеченные из источников, различными видами опроса, наблюдения или эксперимента. Располагая зачастую сведениями разрозненными и неполными, он вынужден дорисовывать в своем сознании затененные стороны и взаимосвязи изучаемых им явлений, реконструировать целое по его частям¹⁰³.

Препятствием на пути к извлечению информации из источников может стать и утрата последующими поколениями способности воспринимать и интерпретировать адекватно первоначальному контексту элементы прежних коммуникативных (знаковых) систем — результат все более заметного и углубляющегося разрыва между современной цивилизацией и культурой далекого прошлого¹⁰⁴.

Чтобы преодолеть все эти трудности, "отделить историческую правду от намеренной лжи, замаскированных умолчаний и неосознанных ошибок"¹⁰⁵, вскрыть в источнике не только внешний, поверхностный, но и более глубокий слой информации и реконструировать объект изучения как целостную логическую конкретность, специалист по исторической социологии, как и любой историк, работает в двух основных направлениях. Во-первых, он стремится к максимально широкому охвату круга возможных источников, что дает ему возможность сопоставлять, проверять и — в итоге — дополнять и корректировать выводы, полученные при раздельном анализе каждого из них. Во-вторых, он стремится совершенствовать методы анализа источников и оптимально сочетать эти методы применительно к специфике источниковой базы и научных задач своего исследования.

"Прогресс исторического познания, как известно, не сводится только к нахождению и включению в научный оборот все новых и новых групп исторических источников, ранее не известных исследователям; прогресс исторической науки не в меньшей (а по отношению к вышеназванным разделам ее, пожалуй, даже в большей. — С.М.) мере заключается и в том, что новые поколения исследователей приобретают с помощью ранее известных источников такие данные, которые были прежде недоступны историкам. Это определяется тем, что исследователь обнаруживает новые стороны в историческом источнике, устанавливает ранее неизвестные исторические связи, засвидетельство-

ванные в памятнике, и достигает тем самым более адекватного отражения содержания исторического памятника (а, следовательно, и стоявшей за ним объективной действительности. - С.М.) в познавательных образах"¹⁰⁶.

К числу методов, позволяющих расширить, углубить, уточнить наши представления о социальных группах, существовавших в прошлом, относятся и количественные, математико-статистические методы анализа исторических источников¹⁰⁷. По мере того как эти методы перестают быть "экспериментальными"¹⁰⁸, уходит в прошлое и неоправданный скепсис в отношении возможностей их применения, и столь же неоправданные надежды и намерения "все и вся считать". Следует отметить, что на последних международных форумах историков (у МКЭИ и Х МКИИ) указанные крайние точки зрения были исключениями, преобладал, во всяком случае, трезвый, реалистический подход. Историки-марксисты, со своей стороны, давно подчеркивали плодотворность математико-статистических методов и в то же время недопустимость их абсолютизации, необходимость органического единства качественного и количественного анализа социально-исторических явлений и процессов на научной общеметодологической основе¹⁰⁹.

Математико-статистические методы применимы для измерения тесноты социальных связей, сопоставления роли одновременно действующих факторов, выбора критериев классификации, установления степени достоверности полученных выводов и пределов возможных ошибок и т.д. Таким образом, они позволяют поставить ряд новых вопросов, неразрешимых средствами только лишь качественного анализа, и получить нетривиальные выводы, недостижимые без применения этих методов и ЭВМ.

Приведем примеры использования этих методов в историко-социологических исследованиях.

К.В.Хвостова, изучая аграрно-правовые отношения в поздней Византии, для выяснения зависимости между высотой налогообложения крестьян, с одной стороны, и размерами различных видов их имущества и числом налогоплательщиков, с другой, применила при обработке данных соответствующих источников (налоговых описей) методы корреляционного и регрессионного анализа. (Кoeffициенты корреляции показывают тесноту сопряженности исследуемых факторов, а коoeffициенты регрессии - меру или масштаб изменения результативного признака при том или ином изменении воздействующего на него фактора). Ей удалось аргументированно показать, что,

вопреки взглядам некоторых ученых, в поздней Византии сохраняется подушно-поимущественный принцип обложения зависимого и непривилегированного населения (т.н. Диоклетианова система), характерный для позднеримской эпохи^{II0}.

А.Руусман, изучая на материалах сельскохозяйственной переписи 1939 г. в буржуазной Эстонии судьбы выходцев из хуторов, поставил перед собой задачу: проследить сравнительное влияние социального происхождения, образования, возраста и пола на достигнутое выходцами социальное положение. С этой целью им был применен факторный анализ. (Факторные веса, которые определяются величиной корреляции, показывают взаимосвязь между т.н.качественными признаками). В результате было установлено, что в наибольшей мере достигнутое социальное положение зависело от происхождения (т.е. от состоятельности родителей), на втором месте шел такой фактор, как образование (коррелирующий, в свою очередь, с первым), и на третьем – возраст в момент составления переписи, косвенно характеризующий степень профессиональной опытности лица^{III}.

Помимо перечисленных, в историко-социологических исследованиях могут быть использованы и другие методы теории вероятности и математической статистики (например, приемы оценки неизвестных уровней изучаемых признаков на интересующем исследователя рубеже путем их интерполяции и другими способами). В небольших (менее 20 единиц) совокупностях, не подчиняющихся вероятностно-статистическим закономерностям, социальные связи могут быть измерены с помощью энтропийного анализа. (Энтропия – категория теории информации, обозначающая меру разнообразия системы).

Многообещающей представляется перспектива внедрения математико-статистических методов в историко-социальнопсихологические исследования. Однако эта задача упирается в создание адекватных методов формализации и количественной оценки духовной деятельности.

Как отмечает А.Собуль, "любая человеческая деятельность дает пищу для количественного анализа, ... но статистическая обработка социальных, религиозных или политических побуждений (т.е. фактов общественного сознания. – С.М.) гораздо более трудна", чем фактов экономической истории или же истории классовой борьбы^{II2}. Кое-что в этом плане уже делается (можно назвать, в частности, такой метод, как контент-анализ). По мнению

того же А.Собуля, он дает возможность "надеяться на переход от традиционного описательного анализа исторических текстов к систематическому применению методов статистики и к созданию логических структур"¹¹³.

Идеалом для историко-социологического исследования является "выход на модель" — т.е. возможность представить изучаемый объект (например, социальную группу) не только с точки зрения качественных, но и с точки зрения количественных ее характеристик.

Итак, в историко-социологических исследованиях групп могут применяться следующие общенаучные методы (или подходы):

1. Структурно-функциональный, когда объект изучения (социальная группа, ее подсистемы) рассматривается как целостная система, в которой каждый элемент выполняет определенную функцию, а способы взаимосвязи и взаимодействия элементов образуют структуру системы.

В литературе существует и иное понимание структуры, как интегрального единства элементов, целого и их всесторонних связей. При таком понимании связи между элементами именуются организацией.

Для марксистской социологии системный подход к обществу характерен с момента ее зарождения. Даже теоретики лингвистического и антропологического структурализма признают "Капита." образцом анализа общественных систем¹⁴⁴. Следует подчеркнуть, что Маркс и Энгельс шли не по пути механических и биологических аналогий, а работали над созданием понятийно-категориального аппарата, отвечающего специфическим потребностям системного, структурно-функционального анализа социально-исторических общностей.

В исторических исследованиях системный и структурно-функциональный подход реализуются обычно путем словесно-логической характеристики системы и структуры изучаемого объекта при допущении относительной внутренней стабильности его в течение определенного хронологического периода. Применение количественных методов дает возможность измерить социальные связи, образующие структуру объекта (феномена).

2. Генетический, взятый не в своей хронологическо-описательной разновидности, характерной для чисто-исторических исследований, а в стадийной. Эта разновидность не ставит своей задачей реконструкцию последовательности событий, благодаря которой более ранняя система превратилась в позднейшую, а лишь выявление и описание закономерностей и основных этапов этого процесса.

Нетрудно видеть, что названные выше подходы представляют собой по существу конкретизацию отдельных требований диалектического метода (рассматривать все явления в их взаимосвязи, взаимозависимости, изменении и развитии) в соответствии с современным уровнем и задачами научного познания.

Более частный, ограниченный характер носят следующие методы:

1. **Статистический**, при котором наибольшее значение имеет изучение групповых и массовых явлений, накопление информации о них с определенной регулярностью и по единым правилам. Требуется особое внимание к методам выборки и количественной обработки материала. Среди последних, наряду с такими традиционными для исторических исследований приемами, как группировки, исчисление долей и процентов, могут применяться практически все известные приемы вероятностно-статистического анализа.

2. **Типологический**, предполагающий выделение определенных типов, устойчивых образований, общностей в рамках изучаемого целого.

Термин "тип", как отмечает А.В.Гулыга¹¹⁵, помимо узкоспециальных и бытовых значений, употребляется в следующих трех смыслах. Во-первых, "тип" в значении образца, стандарта, не допускающего отклонений (прилагательное — **типовой**); во-вторых, в смысле обобщенного образа, наиболее характерного явления (прилагательное — **типичный**, **гипический**); в-третьих, как прообраз, основная форма, допускающая отклонения (прилагательное — **типологический**). В этом и большинстве предшествующих случаев "тип" употребляется именно в третьем, последнем смысле.

Типы эти могут конструироваться заранее на основании предварительного теоретического рассмотрения или интуиции, а могут и выделяться в ходе исследования на основании анализа фактического материала и группировки анализируемых признаков. Типологическая процедура предполагает как количественное измерение различий между выделенными типами, так и качественное описание каждого из них в целях наиболее полного и живого воспроизведения.

3. **Изучение выборочных случаев**, предполагающее, как правило, развернутое описание выделенных на основе теоретических соображений индивидуальных (единичных) объ-

ектов исследования. Задача обеспечения репрезентативности при этом обычно не ставится^{II6}.

Образцы применения указанных выше методов для целей исторической социологии даны К.Марксом в "Капитале", Ф.Энгельсом в "Положении рабочего класса в Англии", В.И.Лениным в "Развитии капитализма в России" и многих других произведениях классиков марксизма-ленинизма^{II7}.

Каждый из перечисленных выше методов анализа и интерпретации, как общих, так и более частных, имеет свои достоинства и недостатки, каждый из них более или менее эффективен в том или ином конкретном случае. Так, структурно-функциональный подход превосходно "работает" при изучении равновесных, устойчивых, интегрированных систем, помогая проникнуть в механизм воспроизводства социальных явлений. Но исследовательская мысль, ориентированная односторонне-функционалистски, бессильна перед проблемой развития структур. В лучшем случае она может выявить лишь точки напряжения в исследуемых ею системах и условия, при которых структура этих систем разрушается. Диахронические (генетические и процессуальные) связи при таком подходе выступают только в отрывочном виде, в виде своих результатов. Поэтому условия и способы перехода системы из одного состояния в другое (само структурное изменение или процесс), динамические причинно-следственные связи неизбежно остаются за пределами структурно-функционального подхода. Вывести из структурно-функциональной модели линию исторического развития системы со всеми ее изгибами и отклонениями совершенно невозможно.

Отсюда — необходимость синтеза функционализма и генетического подхода. Последний же имеет, в свою очередь, тот недостаток (вернее, ту односторонность), что, концентрируя внимание на изменении, развитии систем, на переходах от одной системы к другой, оставляет в тени механизм функционирования каждой из этих систем, механизм воспроизводства ее структуры и потому не позволяет глубоко осмыслить и описать причины ее относительной устойчивости.

О значении математико-статистических методов уже говорилось. Применение их помогает выявить тенденции развития систем, функционально-каузальные зависимости между историческими феноменами, определить типичность последних и тем самым приблизиться к пониманию как общих закономерностей, так и особенностей изучаемых явлений или процессов. Однако применение их обосновано

лишь при соблюдении определенных условий. Так, корреляционный, регрессионный и факторный анализы эффективны лишь при линейной (или близкой к линейной) зависимости между изучаемыми величинами или факторами. Поэтому неперенным условием их использования является проверка значимости (т.е. надежности) показателей, полученных путем математико-статистического анализа. Содержательная интерпретация результатов этого анализа, равно как и выработка его содержательных предпосылок, возможна лишь с позиций исторической науки, со всем ее идейно-теоретическим и фактическим багажом, и всегда останется делом историка. Образно выражаясь, "статистические исследования для историка — хороший слуга, но плохой хозяин. Он ничего не выгадает от статистических обобщений, если он не выделит мысли, стоящей за фактами, которые им обобщаются". Значимые "статистические результаты могут быть получены только в ответ на предыдущие рассуждения" (и требуют последующих рассуждений. — С.М.). Эти высказывания, одно из которых принадлежит английскому историку Р.Коллингвуду, а другое — американскому социологу П.Лазарсфельду¹¹⁸, показывают, что даже на Западе, где еще не столь давно господствовал культ "измерений", культ количественных методов в социологии и социальной психологии, распространяется понимание того, что никакое количество статистических данных, сведенных в ряды, таблицы и графики и обработанных с применением математического аппарата, само по себе не делает еще точной и убедительной концепцию исследователя (хотя иногда и может создать иллюзию обоснованности этой концепции).

О научном значении типологии как метода изучения социальных явлений также говорилось, однако и тут не следует забывать о неизбежной потере информации, сопряженной с типологическим обобщением индивидуальных, единичных явлений. С другой стороны, изучение выборочных случаев, обладая всеми достоинствами "крупного плана", ограничивает возможности широких обобщений и экстраполяции полученных выводов.

О чем свидетельствует сказанное выше? О том, что универсальные методы — "панацеи" — принадлежность мифологического, а не научного мышления. О том, что любой из специальных или отдельно взятых общенаучных методов принципиально, по природе своей несовершенен (односторонен, ограничен, неполон). Что объективная общественная действительность, изучаемая историком, социологом, социальным психологом, представляет собой такое един-

ство многообразия, такое переплетение связей, отношений, зависимостей, которое может быть воспроизведено более или менее адекватно лишь путем диалектического сочетания различных исследовательских методов, приемов и процедур.

"На базе одного частного метода исследования, — пишет А.И.Уваров, — скорее можно создать теорию аналитического характера с охватом какой-нибудь одной, пусть даже самой главной стороны процесса или явления, но не всего объекта (если он сложен по своей структуре)..."¹¹⁹ Конечно, вполне правомерна может быть попытка воссоздания того или иного реального, неизбежно противоречивого и многостороннего явления или процесса путем измерения его в одной определенной системе координат, пока мы не забываем об ограниченном значении полученных при этом результатов. Но, как справедливо подчеркивает Ю.А.Замошкин, если система координат, избранная в определенных исследовательских целях, становится абсолютными рамками социально-исторического видения, то это может привести к возникновению превращенных форм идеологического сознания, замкнутой системы идеологических стереотипов, в рамках которой объективная действительность представляется столь же чистой и внутренне непротиворечивой, как и логическая конструкция, созданная исследовательской мыслью.¹²⁰ В этом, если брать, опять-таки, только гносеологическую сторону вопроса, отвлекаясь от социальной, классовой обусловленности явления, и состоит один из методологических пороков буржуазных исторических и социологических теорий, неправоммерно абсолютизирующих тот или иной из специальных (частных) или общих методов научного познания.

Чего требует от нас признание этих фактов? Во-первых, как уже отмечалось, расширения и совершенствования специально-методологического и методического арсенала. Во-вторых, учета того, в чем состоит несовершенство каждого из применяемых методов (или методик) и каково его возможное влияние на выводные данные исследования. Такой учет дает возможность продумать и обосновать пути смягчения, компенсации несовершенства, путем применения той или иной комбинации методов, взаимной перепроверки полученных с их помощью результатов, введения поправок и т.д. Впрочем,

как справедливо отмечает цитированный уже А.И.Уваров, "в живом процессе познания и философские, и логические, и частные методы исследования как бы синтезированы в один метод, тесно связанный с содержанием мысли, приспособленный к специфике объекта. Они не выступают в данном случае в своей абстрактной теоретической форме, безразличные к содержанию, как бы уредненные, какими рисует их логика. Реально применяемый в науке метод познания синтетичен, сложен, нередко противоречив, но, что особенно следует подчеркнуть, обладает целостностью. Чем сложнее объект исследования, тем сложнее научный метод, используемый в данной области"¹²¹.

Организирующую, направляющую и прогнозирующую роль в историко-социологическом исследовании выполняет его программа. Основной функцией программы является формулирование в первом приближении научной проблемы или вопроса, для решения которых проводится исследование. Для этого необходимо: 1) зафиксировать исходное представление об изучаемом объекте, являющееся результатом ранее проведенных исследований, представление, к которому относят, в конечном счете, получаемые результаты; 2) сформулировать общую задачу исследования и необходимую для ее решения совокупность частных конкретных задач (аспектов проблемы); 3) упорядоченно и методологически обоснованно представить совокупность средств и процедур, которые необходимо использовать для решения этих задач; 4) указать основные направления сбора фактического материала; 5) охарактеризовать планируемые результаты исследования. "В зависимости от степени разработки программы можно представить себе, с одной стороны, исследование в полной мере теоретически осмысленным, опирающимся на все богатство теоретических идей, связанных с изучаемым кругом вопросов. Само составление программы в этом случае займет весьма продолжительный период времени, потребует тщательного изучения литературы по этому вопросу, многократных, обстоятельных дискуссий со специалистами и может рассматриваться в виде определенного промежуточного итога исследования. С другой стороны, можно представить себе исследование, в котором проблемы еще не сформулированы в достаточно четкой, теоретически осознанной форме. Оно будет носить характер поиска и проводиться в целях дальнейшей постановки и уточнения проблем. Здесь социолог (а также историк. — С.М.) может пойти от интуитивного восприятия проблемы к теоретическому ее выражению в процессе сбора матери-

ала... Как правило, большая часть исследований находится между указанными крайностями. Бывает и так, что гипотезы исследования формулируются уже "post festum" 122.

Насколько это возможно, всегда следует стремиться к теоретическому осмыслению исходных предпосылок исследования и предварительно формулировать, по крайней мере, некоторые из его рабочих гипотез. Дело в том, что в неявной, неосознанной форме гипотезы присутствуют в любом исследовании. Перевод их в явную, осознанную форму способствует более глубокой постановке, уточнению, конкретизации задач, определяющих дальнейший поиск материала. Но для этого, как уже говорилось, необходимо максимально использовать полученные ранее научные факты, выводы и обобщения, максимально фундировать проблемный замысел теоретически и эмпирически.

Именно из теоретической литературы, не только по истории, но и по философии, экономике, социологии, социальной психологии, заимствует историк, занимающийся вышеуказанной проблематикой, и понятийно — категориальный аппарат, и теоретические схемы, и отчасти рабочие гипотезы, используемые в его исследованиях. Теоретические предпосылки, методология влияют и на выбор объекта, и на выбор предмета исследования, на вычленение отправных фактов, определяют, при прочих равных условиях, зоркость и глубину исследовательской мысли. Поэтому значение комплексной методологической вооруженности, четкости идейных позиций исследователя поистине невозможно переоценить. Исходя из этих соображений, мы и сочли необходимым уделить методологическим, а также методическим вопросам столь пристальное внимание. Хотелось бы надеяться, что краткое изложение круга идей, связанных с историко-социологическими исследованиями, будет небесполезным для тех, кто, подобно автору, приступает сейчас к работе в этой перспективной области марксистского обществоведения.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Д ж. Б е р н а л. Наука в истории общества. М., 1956, стр. 21.
- ^{1а} Ю. В. Б р о м л е й, О. И. Ш к а р а т а н. О соотношении истории, этнографии и социологии. — "Советская этнография", 1969, № 3, стр. 9, 13.
- ² М. А. Б а р г. Учение об общественно-экономических формациях и конкретный анализ исторического процесса. — "Очерки методологии познания социальных явлений". М., 1970, стр. 250.
- ³ К. В. Х в о с т о в а. Некоторые вопросы применения количественных методов при изучении социально-экономических явлений средневековья (по данным византийских источников XIII-XIV вв.). — "Математические методы в исторических исследованиях. Сб. статей". М., 1972, стр. 78).
- ⁴ См., напр., Б. Д. П а р ы г и н. Социальная психология как наука. Л., 1965, 1970; Е. С. К у з ь м и н. Основы социальной психологии. Л., 1967.
- ⁵ См. Е. В. Ш о р о х о в а, Н. С. М а н с у р о в, К. К. П л а т о н о в. Проблемы общественной психологии. — "Вопросы психологии", 1963, № 5.
- ⁶ Л. М. Д р о б и ж е в а. История и социология. М., 1971; А. С о б у л ь. Некоторые вопросы статистического изучения социальной истории. — "Новая и новейшая история", 1967, № 2.
- ⁷ В. А. Я д о в. О различных подходах к концепции личности и связанных с ними различных задачах исследования массовых коммуникаций. — "Личность и массовые коммуникации. Материалы встречи социологов". Вып. III. Тарту, 1969, стр. 13.
- ⁸ См. Ю. В. Б р о м л е й, О. И. Ш к а р а т а н. Указ. раб., стр. II-12; Г. Л. С о б о л е в. Источниковедение и соци-

ально-психологическое исследование эпохи Октября. - "История и психология", М., 1971, стр. 240-241.

⁹ М. М. Г р о м н к о. О некоторых задачах исторической социологии. - "Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук", № II, вып. 3, 1967, стр. 118-120.

¹⁰ Т а м ж е, стр. 120.

¹¹ См. К. С. Г а д ж и е в. "Дедалус" о кризисе современной американской историографии. - "Вопросы истории", 1972, № 7; В. И. С а л о в. Вторжение психоанализа в буржуазную историографию. - "Новая и новейшая история", 1972, № 4.

¹² М. М. Г р о м н к о. Указ. раб., стр. 120.

¹³ См. В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 321; т. 36, стр. 81.

¹⁴ См. Э р н е с т о С е с т а н (Италия). История событий и история структур. - "XIII Международный конгресс исторических наук. Москва, 16-23 августа 1970 г." М., 1970, стр. I.

¹⁵ См., напр., L. V. W i e s e. System der allgemeinen Soziologie. München-Leipzig, 1933; R. C e n t e r s. The Psychology of Social Classes. Princeton, 1949, p. 27; Н. Е у с е н с к. The Psychology of Politics. L., 1954, p. 14; R. M. M a s o v e r and Ch. H. P a g e. Society. L., 1955, p. 298; W. I. H. S p r o t t. Social Psychology. L., 1956, pp. XIII-XIV, 5-6; C. T. M o r g a n. Introduction to Psychology. N.Y.-Toronto - L., 1956, p. 306; К. Р о р - р е р. The Poverty of Historicism. Boston, 1957, p. 135 и др. Историки-реалитивисты распространяют этот взгляд на все вообще исторические факты (см., напр., C. L. B e s k e r. What are Historical Facts? - "The Western Political Quarterly", vol. VIII, № 3, 1955 (речь, произнесенная на годовичном собрании Американской исторической ассоциации в декабре 1926 г.); Н. L e v y - B r u h l. Qu'est ce que le fait historique? - "Revue de synthese historique", v. 42, 1926; Idem. Une notion confuse; le fait historique. - "Recherches philosophiques", v. 5, 1935-36; Е. Н. С а r r. What is History. L., 1961; Э р н е с т о С е с т а н. Указ. раб., стр. 5-6, и др.).

¹⁶ В. Р. Л е й к и н а - С в и р с к а я. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971, стр. 4, 13.

¹⁷ См. "Вопросы истории", 1971, № 12, стр. 134 (рец. В. А. Дьякова); "История СССР", 1972, № 1, стр. 180-181 (рец. Г. И. Щетининой).

18 В. Г е й з е н б е р г. Физика и философия. М., 1963, стр. 61, 171.

19 Более подробно об этом см.: В. К. К р ы л о в. Выборочный метод в статистике. М., 1957; Ф. И е й т с. Выборочный метод в обследованиях и переписях. Пер. с англ. М., 1965.

20 И. С. К о н. Социология личности. М., 1967, стр. 109-110.

21 Р. М и л л с, Властвующая элита. Пер. с англ. М., 1959, стр. 263.

22 Обоснование указанной методики см. в примечаниях к цитированной работе Р. Миллса (стр. 495-502, 508-511, 517-521, 522-524, 527-531). Последний использовал ее для создания групповых социологических портретов "богатейших из богатых" (крупнейших монополистов), "ведущих администраторов из мира корпораций", членов "политического директората" (руководящих государственных деятелей) и "военной знати" (генералов и адмиралов) США.

23 Подробную характеристику алгоритма см.: Н. Г. З а г о - р у й к о, Т. И. З а с л а в с к а я. Распознавание образов в социальных исследованиях. Новосибирск, 1968, стр. 23-32. Описание сущности вычислительной процедуры см. также К. В. Х в о с - т о в а. Указ. раб., стр. 32-38.

24 А. Я. Г р у н т. Опыт анализа статистических сведений о составе Московского Совета рабочих депутатов в 1917 г. - "Источниковедение. Теоретические и методические проблемы". М., 1969, стр. 450. Однако, по мнению одного из рецензентов (К. Г. Левыкина), А. Я. Грунт допустил "некоторую переоценку его как источника для выяснения причин преобладания (до известной поры) соглашательских тенденций в Московском Совете и изучения истории его большевизации" (см. "Вопросы истории", 1972, № 1, стр. 158).

25 См., напр., В. А. Д љ я к о в, В. М. З а й ц е в, Л. А. О б у ш е н к о в а. Социальный состав участников польского восстания 1830-1831 гг. (по материалам западных губерний Российской империи). Н. П. М и т и н а. Социальный состав участников польского восстания 1830-1831 гг. (по спискам эмигрировавших и скрывавшихся от репрессий); С. М. Б а й к о в а. О движущих силах восстания 1863 г. на территории Белоруссии. - "Историко-социологические исследования (на материалах славянских стран)". М., 1970; T. L e r k o w s k i. Społeczne i narodowe aspekty pow-

stania. 1831 roku na Ukrainie. - "Kwartalnik Historyczny", 1957, N 6; J. B e r g h a u z e n. Z badań nad składem społecznym i ideologią organizacji spiskowych w Królestwie Polskim w latach 1835-1846. - "Z epoki Mickiewicza. Zeszyt specjalny "Przeglądu Historycznego" w rocznicę smierci Adama Mickiewicza. 1855-1955" Wrocław, 1956.

26 См., напр., В. С. А н т о н о в. К вопросу о социальном составе и численности революционеров 70-х годов. - "Общественное движение в пореформенной России". М., 1965; В. А. Д љ я к о в. Численность и состав участников освободительного движения в русской армии в 1856-1865 гг. (Опыт историко-социологического исследования). - "История СССР", 1970, № I; С. И. С и д е л ь н и к о в. О численном и социальном составе болгарских революционных организаций в 1869-1873 гг. - "Историко-социологические исследования (на материалах славянских стран)" и др.

27 Напр., "Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический словарь". Т. I-5. М., 1927-1933; В. А. Д љ я к о в. Деятели русского и польского освободительного движения в царской армии 1856-1865 гг. (Биобиблиографический словарь). М., 1967. А. С о б у л ь указывает на возможность использования в этом плане материалов известного "Dictionnaire biographique du mouvement ouvrier français", publié sous la direction de S. Maitron. Première partie, 1789-1864, v.1-2 (1965).

28 Подробнее об этом см. В. А. Д љ я к о в. Об использовании социально-статистических методов при изучении освободительного движения. - "Историко-социологические исследования (на материалах славянских стран)", стр. 17-18.

29 Ю. Л. Б е с с м е р т н ы й. Некоторые проблемы истории дворянства в Северной Франции конца XII - начала XIV в. - "Французский ежегодник. Статьи и материалы по истории Франции. 1966". М., 1967.

30 См., напр. М. В о у в и е r-A j a n, G. М и r у. Les classes sociales en France, v.1, Paris, 1963.

31 М. М. Г р о м ы к о. Указ. раб., стр. II8-II9.

32 К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т.30, стр.307.

33 Ю. Ю. В е й н г о л ь д. Некапиталистическое развитие и социальная воля. Очерки социологического исследования социальной воли как элемента субъективного фактора перехода ранее остальных стран к социализму. Фрунзе, 1970, стр. 42.

34 А. М. Мосоров, Г. В. Мокроносов. Общественные отношения и личность. Свердловск, 1969, стр. 81-82.

35 Этот тезис наиболее отчетливо в советской литературе сформулирован и обоснован Б.Ф.Поршневым (см. Б.Ф. Поршнев. Социальная психология и история. М., 1966, стр. 165, 167-168).

36 Е. С. Кузьмин. Основы социальной психологии. Л., 1967, стр. 148-153.

37 Б. Ф. Поршнев. Указ. раб., стр. 89.

38 Подробнее об этом см. В. С. Мерлин. Связь социально-типичного и индивидуального в личности. - "Вопросы психологии", 1967, № 4.

39 П. Симонов. Искрящие контакты (О некоторых общих проблемах физиологии мозга, психологии и этики). - "Новый мир", 1971, № 9, стр. 204; Он же. Достоевский и современная психология. - "Наука и жизнь", 1971, № II, стр. 86-87.

40 А. М. Мосоров, Г. В. Мокроносов. Указ. раб., стр. 132-133.

41 См., напр., Г. М. Гак. Учение об общественном сознании в свете теории познания. М., 1960, стр. 44; В. Н. Колбановский. Предмет, методы и актуальные проблемы советской общественной психологии. - "Проблемы общественной психологии". М., 1965, стр. 143; Д. А. Кикнадзе. Потребности. Поведение. Воспитание. М., 1968, стр. 75; В. А. Демичев. Общественное бытие и общественное сознание, механизм их взаимодействия. Кийшиев, 1970, стр. 107-108; Б. А. Ерунов. Мнение и умонастроение в историческом аспекте. - "История и психология", стр. 106-109.

42 А. И. Горячева. Общественная психология и ее структура. Автореферат канд. дисс., Л., 1963, стр. 6; Она же. О некоторых категориях социальной психологии. - "Проблемы общественной психологии", стр. 197-198.

43 В. В. Ермолин. К вопросу о структуре социальной психологии социализма. - "Вопросы социальной психологии (тезисы докладов к семинару по социальной психологии)". Л., 1968, стр. 44-45.

44 В. А. Демичев. Указ. раб., стр. 105, 107, 112.

45 Изложение этих точек зрения см. подробнее в обзоре А. С. Айзиковича Важная социологическая проблема ("Вопросы философии", 1965, № II), цитированных уже в работах В. А. Демичева (стр. 108, 148-156) и Ю. Ю. Вейнгольда (стр. 42-43), сб. статей "Проблемы личности. Материалы симпозиума" (М., 1969, стр. 267-268, 448) и "Очерках методологии познания социальных явлений" (стр. 64, 199-202, 288).

46 См., напр., В. Н. Алексеев. Взаимодействие идеологии и общественной психологии. - "Проблемы общественной психологии", стр. 237-238.

47 Философский словарь. Под ред. М.М.Розенталя, П.Ф.Юдина. Изд. 2-е, М., 1968, стр. 390.

48 С. Л. Рубинштейн. Основы общей психологии. М., 1946, стр. 683.

49 Д. Н. Узнадзе. Общая психология. Тбилиси, 1964, стр. 244.

50 И. С. Кон. К проблеме национального характера. - "История и психология". Под ред. Б.Ф.Поршнева и Л.И.Анциферовой. М., 1971, стр. 123.

51 В. Н. Мясищев. Личность и неврозы. Л., 1960, стр. 76.

52 В. М. Баншиков, Г. И. Исаев. К вопросу о типологии человека. - "Проблемы личности. Материалы симпозиума", стр. 83.

53 С. Л. Рубинштейн. Пути и принципы развития психологии. М., 1959, стр. 134; В. М. Баншиков, Г. И. Исаев. Указ. раб., стр. 84.

54 И. С. Кон. Социология личности, стр. 28.

55 Л. И. Анциферова. Личность и деятельность. - "Проблемы личности. Материалы симпозиума", стр. 440.

56 В. Н. Мясищев. Личность и отношения человека. - "Проблемы личности. Материалы симпозиума", стр. 70; В. С. Мерлин. Связь социально-типичного и индивидуального в личности. - "Вопросы психологии", 1967, № 4.

57 Д. Узнадзе. Указ. раб., стр. 244; А. С. Праг-ишвили. Исследования по психологии установки. Тбилиси,

1967, стр. 82-83; В. Г. Н о р а к и д з е. Типы характера и фиксированная установка. Тбилиси, 1966, стр. 32-34.

58 Цит. по "История и психология", стр. 123.

59 С м. Л. И. А н ц и ф е р о в а. К проблеме изучения исторического развития психики. - "История и психология", стр. 86-87; И. И. И в а н о в а. О некоторых аспектах проблемы "личность и сознание". - "Проблемы личности. Материалы симпозиума", стр. 419-421.

60 Подробнее об этом см. в указ. раб. Л.И.Анциферовой.

61 Т. Ш и б у т а н и. Социальная психология. Сокр. пер. с англ. М., 1969, стр. 42.

62 А. Я. Г у р е в и ч. Социальная психология и история. Источниковедческий аспект. - "Источниковедение. Теоретические и методические проблемы", стр. 386.

63 Постановку этого вопроса и попытки наметить некоторые пути его решения см., в частности, В. В. К о р ш у н о в а. Диалектическое единство индивидуально-психологических особенностей и общественных черт личности. Изд. Львовского университета, 1967; В. С. М е р л и н. Указ. раб.; О н ж е. Становление индивидуальности и социализация индивидуума. "Проблемы личности. Материалы симпозиума".

64 В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 318.

65 Первые в советской литературе попытки анализа этого опыта см.; О. М. Т у т у н д ж я н. Прогрессивные тенденции в исторической психологии Иньюа Мейерсона. - "Вопросы психологии", 1963, № 3; О н ж е. Основные работы И. Мейерсона и его последователей по исторической психологии. - "Вопросы психологии", 1963, № 4; А. Я. Г у р е в и ч. Некоторые аспекты изучения социальной истории. - "Вопросы истории", 1964, № 10; Л. И. А н ц и ф е р о в а. Жан-Пьер Вернан об исторической психологии. - "Вопросы психологии", 1967, № 4; О н а ж е. К проблеме изучения исторического развития психики. - "История и психология", стр. 63-89; И. Д. Р о ж а н с к и й. Проблемы исторической психологии и изучение античности. - "Вопросы философии", 1971, № 9. Однако предметом анализа в этих работах (за исключением одной) является лишь зарубежный опыт.

66 См., напр., (в хронологической последовательности сюжетов). Е. М. Ш т а е р м а н. Мораль и религия угнетенных клас-

сов Римской империи. М., 1962; А. Я. Г у р е в и ч. Категории средневековой культуры. М., 1972; Б. А. Р о м а н о в. Люди и нравы древней Руси. Историко-бытовые очерки. Л., 1966 (I-е изд., 1947); М. М. Б а х т и н. Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965; Л. М. Б а т к и н. Этюдо Джованни Морелли (К вопросу о социальных корнях итальянского Возрождения). - "Вопросы истории", 1962, № 12; Б. Ф. П о р ш - н е в. Жан Мелье и народные истоки его мировоззрения. М., 1956; В. Э. П е т р о в с к и й. Суд Линча. Очерки истории терроризма и нетерпимости в США. М., 1967; В. Ф. Ш и ш к и н. Так складывалась революционная мораль. (Исторический очерк). М., 1967; Ю. А. З а м о ш к и н. Кризис буржуазного индивидуализма и личность. Социологический анализ некоторых тенденций в общественной психологии США. М., 1966 и др.

67 См., напр., I.-P. V e r n a n t. Mythe et pensée chez les grecs (études de psychologie historique). Ed.II, Paris, 1969; A.S a b o u l. Les sans-culottes en l'an II. Paris, 1958.

68 См., напр., I. M e y e r s o n. Les fonctions psychologiques et les oeuvres. Paris, 1948; Z.B a r b u. Problems of Historical Psychology. N.I. 1960; I. L e G o f f. La civilisation de l'Occident medieval. Paris, 1965; I.H u i s i n g a. Le declin du Moyen Age. Paris, 1948 (ed.I-1932); R. M a n d r o u. Introduction a la France moderne. Essai de psychologie historique. Paris, 1961; G. L e f e b r e. La Grande peur de 1789. Paris, 1932; Idem. Foules revolutionnaires. "Etudes sur la Revolution française". Paris, 1954; G. R u d e. The Crowd in the French Revolution. Oxford, 1960; Idem. The Crowd in History. A Study of Popular Disturbances in France and England, 1730-1848. N.Y. - L. - Sidney, 1964.

69 См. А. И. У в а р о в. Структура теории в исторической науке. - "Труды Томского государственного университета", т. 178, Методологические и историографические вопросы исторической науки. Сб. статей", вып. 3, Томск, 1965, стр. 44.

70 "Если проследить внимательнейшим образом историческое развитие научных идей и методов, нетрудно заметить, что модели никогда не исчезали из арсенала науки" (В. А. Ш т о ф ф. Моделирование и философия. М.-Л., 1966, стр. 3).

71 А. И. Р а к и т о в. К вопросу о структуре исторического исследования. - "Философские проблемы исторической науки". М., 1969, стр. 171.

72 К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. I2, стр. 726-735.

73 См., напр., Э. В. И л ь е н к о в. Диалектика абстрактного и конкретного в "Капитале" Маркса. М., 1960.

74 А. В. Г у л ы г а. История как наука. - "Философские проблемы исторической науки", стр. 37-39.

75 В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 207.

76 В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 70; т. 41, стр. 192.

77 "Коммунист", 1967, № II, стр. 47.

78 См. Г. Л. С м и р н о в. Советский человек. Формирование социалистического типа личности. М., 1971, стр. 310, 57, 85. Впрочем, как справедливо указывает автор, личностно-типологическая структура общества не сводится к социальным типам, однозначно соответствующим тем или иным его структурным образованиям. Социальный тип личности выражает нечто существенное из своей социальной среды - группу (класс), явление, тенденцию, конфликт (там же, стр. 56, 57, 59).

79 Подробнее об этом см. там же, стр. 52-53, 58-59 и др.

80 Ю. А. З а м о ш к и н. Указ. раб., стр. 40.

81 См. там же, стр. 50.

82 Понятие, введенное американскими социологами А. Кардинером и Р. Линтоном и обозначающее, по А. Кардинеру, "группу психических и поведенческих характеристик, проистекающих из контакта с одними и теми же институтами и явлениями" (цит. по "Истории и психологии", стр. 141-142). П. Хонигсмен употребляет в этом же смысле понятие "модальная личность", а Д. Рисмен и Э. Фромм - "социальный характер". Последний определяется Д. Рисменом как "часть личности, которая распространена среди значительных социальных групп и которая ... есть продукт опыта этих групп".

83 Подробнее об этом см. "История и психология", стр. 142-145; Я. Щ е п а н ь с к и й. Элементарные понятия социологии. Пер. с польского. М., 1969, стр. 69-71.

84 Я. Щ е п а н ь с к и й. Указ. раб., стр. 102.

85 Т а м ж е, стр. 125-126.

86 Подробный критический обзор распространенных в западной буржуазной социологии и социальной психологии теорий лидерства см. Г. К. А ш и н. Проблема лидерства в современной зарубежной эмпирической социологии. - "Вопросы философии", 1968, № 5.

87 Подробнее об этом см. А. И. Т и т а р е н к о. Критерий нравственного прогресса. М., 1967, гл. II, § 3, 6; А.Ф. Ш и ш к и н, К. А. Ш в а р ц м а н. XX век и моральные ценности человечества. М., 1968, гл. I.

88 О. Г. Д р о б н и ц к и й. Научная истина и моральное добро. - "Наука и нравственность". М., 1971, стр. 308.

89 См. Д ж. У о л д. Детерминизм, индивидуальность и проблема свободной воли. - "Наука и жизнь", 1967, № 2, стр. 74-75; Б. К е д р о в. Некоторые размышления, навеянные статьей Дж.Уолда. - Там же, стр. 83; А. К а ж д а н. Прошлое под судом. (Нравственное содержание исторической науки). - "Знание - сила", 1966, № II, стр. 23.

90 Выражение известного советского генетика академика Н.П.Дубинина. Иногда говорят также о "традиционной", или, по определению другого известного генетика, М.Е.Лобашова, "сигнальной наследственности". Однако мы, вслед за С.Н.Давиденковым и Б.Л.Астауровым, считаем, что по отношению к социальному механизму трансляции информации следует говорить о "преимуществах", а не о наследственности (даже с учетом того, что этот последний термин употребляется в данном случае метафорически).

91 См. П. С и м о н о в. Достоевский и современная психология, стр. 86; В. Э ф р о и м о о н. Родословная альтруизма. (Этика с позиций эволюционной генетики человека). - "Новый мир", 1971, № 10, стр. 206-208; Б. А с т а у р о в. Homo sapiens et humanus. Человек о большой буквы и эволюционная генетика человечности. (По поводу статьи В.П.Эфроймооса об эволюционно-генетических основах этики). Там же, стр. 215-218.

92 См. Э. Ю. С о л о в ъ е в. Личность и ситуация в социально-политическом анализе Маркса. - "Вопросы философии", 1968, № 5.

93 Н. Н. М о к р о у с о в. Проблема нравственной оценки поступков (поведения). - "Вопросы философии", 1965, № 9.

94 Пресса, как уже отмечалось (см. "Источниковедение. Теоретические и методические проблемы", стр. 189, 466), является

особым видом исторических источников. Наряду с собственно газетными и журнальными материалами (передовицами, комментариями, обзорами, корреспонденциями, хроникой, заметками, рецензиями, объявлениями, иллюстрациями), в ней бывают представлены также и материалы почти всех других видов исторических источников.

95 К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве. М., 1957, т. I, стр. II-12; т. 2, стр. 582-583.

96 В. О. Ключевский Я. Недоросль Фонвизина. Соч., т. 8, М., 1959, стр. 263-287.

97 Н. А. Рожков. Пушкинская Татьяна и грибоедовская Софья в их связи с историей русской женщины XVIII-XIX вв. - "Журнал для всех", 1899, № 5.

98 С. О. Шмидт. Современные проблемы источниковедения. "Источниковедение. Теоретические и методические проблемы", стр. 52. О синтетичности исторического знания см. также А. И. Уваров. Указ. раб., стр. 37-38, 40, 43, 46, 61.

99 Ц. Бобиньская. Пробелы в источниках. Методологический анализ. - "Вопросы истории", 1965, № 6, стр. 81-82.

100 Характер и направленность, даже методы и формы этого искажения заинтересуют и смогут многое сказать исследователю, изучающему группу - продуцент источника.

101 См. "VIII Powazeczny Zjazd Historyków Polskich w Krakowie 14-17. wrzesnia. 1958 r. Referaty i dyskusja". Т. 6. Warszawa, 1960, стр. 19, 77; I. Торопский. Metodologia historii. Warszawa, 1968, стр. 346.

102 Б. Воронский. Kryteria oceny źródeł statystycznych. - "Studia Źródłoznawcze", т. 10, 1965.

103 С. О. Шмидт считает этот исследовательский процесс разновидностью прогнозирования, поскольку в основе его лежит "способность представить реальность за пределами непосредственного восприятия" (С. О. Шмидт. Указ. раб., стр. 44-45).

104 См. А. А. Зализняк, В. В. Иванов, В. Н. Топоров. О возможности структурно-типологического изучения некоторых моделирующих семиотических систем. - "Структурно-типологические исследования". М., 1962, стр. 139.

105 Н. М. Дружинин. Воспоминания и мысли историка. М., 1967, стр. 103.

I06 А. И. Д а н и л о в. Марксистско-ленинская теория отражения и историческая наука. - ("Средние века", вып. 24. М., 1963, стр. II-I2).

I07 Обзоры применения этих методов в советской и зарубежной литературе, написанные с марксистских позиций И. Д. К о в а л ь ч е н к о. О применении математико-статистических методов в исторических исследованиях. - "Источниковедение. Теоретические и методические проблемы", стр. II5-I33; О н ж е (руководитель коллектива). Количественные и машинные методы обработки исторической информации. М., 1969; Ю. Д. Б е с с м е р т н ы й. Математические методы и их применение при изучении проблем средневековья. - "Средние века". Вып. 34. М., 1971, стр. 81-90; О н ж е. Некоторые вопросы применения математических методов в исследованиях советских историков. - "Математические методы в исторических исследованиях", стр. 3-I4; В. А. Я к у б о к и й. Количественные методы и аграрная история барщинно-крепостнической Польши. - Там же, стр. 216-224 и др.

I08 Судя по библиографии, публикуемой журналом "Computers and the Humanities" (New York), ежегодно выходит 40-50 работ по истории, где широко используются математические методы (не считая археологических, этнографических, демографических и других смежных исследований).

I09 См., напр., О. Я х о т. О единстве количественного и качественного анализа социальных процессов. - "Коммунист", 1970, № II, стр. 54-55, 60.

II0 К. В. Х в о с т о в а. Особенности аграрно-правовых отношений в поздней Византии (XIV-XV вв.). (Историко-социологический очерк). М., 1968, стр. II4-I35.

III А. Р у у с м а н. Из опыта применения факторного анализа в историческом исследовании. - "Вестник Московского университета. Серия IX. История", 1966, № 6.

II2 А. С о б у л ь. Указ. раб., стр. 33, 37.

II3 Т а м ж е, стр. 38.

II4. См., напр., C. Levi - Strauss. *Antropologie structurale*. Paris, 1958, p. 31.

II5 А. В. Г у л ы г а. Указ. раб., стр. 37.

II6 Характеристику этих трех методов см. А. Г. З д р а в о м ы с л о в. Методология и процедура социологических исследований. М., 1969, стр. 50-51.

II7 Подробнее см. И. Г. М а л ы й. Вопросы статистики в "Капитале" Маркса. М., 1965; В. Е. О в с и е н к о, Е. Г. В и т о л ь н а. Вопросы статистической науки в трудах В.И.Ленина. М., 1967; И. П. С у с л о в. Политическая статистика в работах В.И.Ленина. М., 1968; "В.И.Ленин и современная статистика". Т. I-III. М., 1970 и др.

II8 Цит. по книге "Философские проблемы исторической науки", стр. 215-216.

II9 А. И. У в а р о в. Указ. раб., стр. 43.

II0 Ю. А. З а м о ш к и н. Идеино-теоретические дискуссии вокруг проблемы бюрократии. - "Вопросы философии", 1970, № I, стр. 137, 141.

II1 А. И. У в а р о в. Указ. раб., стр. 55.

II2 А. Г. З д р а в о м ы с л о в. Указ. раб., стр. 49.

Самсон Абрамович Мадиевский

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ
СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП В ИСТОРИЧЕСКОЙ
НАУКЕ

Редактор Н.П.Черников
Художественный редактор А.И.Попов
Технический редактор Л.А.Мокрицкая
Корректор А.П.Мошнорезова
Оператор-наборщик Т.П.Мушеникова

Подписано и печать 30.X 1973 г. АБ11525. Бумага офсетная № 1.
Формат 60 x 90 1/16. Печ.л. 4,0. Уч.-изд.л. 3,93. Цена 39 коп.
Заказ 714. Тираж 600.

Издательство "Штиинца", 277028, Кишинев, ул. Академическая, 3

Типография издательства "Штиинца",
277004, Кишинев, ул.Берзарина, 10

39 коп.